

КОРЕНЬ ЗЛА

*Вы еще не знаете,
что такое УЖАС*

Александр ВАРГО

Александр Варго
Корень зла
Серия «MYST. Черная книга 18+»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174363
Корень зла: Русь-Олимп, Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-9648-0210-5, 978-5-699-29933-1*

Аннотация

Художник Артем Белинский живет в собственном замке, полученном в обмен на коллекцию африканских идолов от господина Гергерта. Этот господин занимается весьма опасным, малоприбыльным, но крайне востребованным делом: он искореняет мировое зло. По заданию этого человека-мессии Артем отправляется в Карпаты, чтобы найти коллекцию сатанинских магических картин Ласло Вохача. Розыски приводят художника в мрачный замок, где обитает глава сатанистов. Но зайти в замок оказалось намного проще, чем выйти из него. В обмен на жизнь и свободу художник должен подписать договор с самим дьяволом...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	45
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	90
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Александр Варго

Корень зла

Мчатся бесы рой за роем

В беспредельной вышине,

Визгом жалобным и воем

Надрывая сердце мне...

А.С. Пушкин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Прошу прощения, месье, вы – владелец Гвадалона Артем Белинский?

Артем вздрогнул, повернул голову. От резкого движения вернулась тупая боль, в глазах потемнело. Он совсем забыл, что в такие скорбные дни лучше воздерживаться от резких движений...

Справа от ворот стоял угловатый японский джип. Фары и номерные знаки заляпаны грязью. Приоткрылась дверь, появился мужчина средних лет с непокрытой головой, короткой стрижкой и голубыми глазами. На губах играла застенчивая улыбка.

– Простите? – превозмогая чудовищную боль, пробормотал Артем. Похмелье просто разрывало.

– Вы владелец Гвадалона Артем Белинский? – повторил

мужчина. Улыбка расцвела в открытую и доброжелательную. Но глаза оставались холодными. Смотрели пытливо. От страдающего художника не укрылось, как человек украдкой косился по сторонам. Он залез в карман ветровки, как будто собрался предъявить документы работнику дорожной полиции.

Раннее майское утро. Округа еще не проснулась. Холодный ветер с пролива Па-де-Кале теребил ершистый кустарник. Кудлатые тучи перебирались с севера на юг. Погода явно не весенняя. Повсюду черные скалы, пересеченные жилами минералов, меловые утесы, ни одной живой души. За спиной ворота, угрюмая глыба Гвадалона, будка для охраны, но там сплошное сонное царство – он убедился в этом минуту назад, когда выходил за ворота. И какого, спрашивается, дьявола его понесло в неизвестность в этот суровый рассветный час?

Незнакомец ждал ответа. Он смотрел выжидающе, явно не спеша предъявлять документы.

«Не стой тумбочкой, проснулась интуиция. Шелести извилинами. Быстро, в течение одной минуты, принимай правильное решение. Какой же ты Артем Белинский?»

– Какой же я Артем Белинский, месье? – удивился Артем, – вы с кем-то меня спутали. Я даже догадываюсь, с кем...

Добродушная улыбка растаяла. Человек пребывал в замешательстве. Он нахмурился. Видимо, извлекал из памяти

фотографическое изображение объекта и сравнивал с данными сомнительного «оригинала». Поразмыслив, вынул руку из кармана.

– Вы уверены, месье, что вы не Артем Белинский?

– О месье, – разулыбался Артем, – мне ли этого не знать.

Владелец Гвадалона Артем Белинский убыл из поместья вчера во второй половине дня. Он отправился в парижский музей Орсе для ведения переговоров насчет экспонирования полотен Клода Шандемо и некоторых других шедевров французской живописи. А моя фамилия Фельдман – я являюсь его представителем в промышленно развитых государствах и, в некотором роде, импресарио...

«Чего это я несу?» – испугался Артем.

– И вы не знаете, когда вернется месье Белинский? – неуверенно спросил незнакомец.

– На днях, – пожал плечами Артем. – К сожалению, господин Белинский не всегда посвящает меня в свои планы. С кем имею честь, простите?

– О, моя фамилия Клавье, – прохладно улыбнулся незнакомец. – Он не знает меня, я просто хотел обговорить с ним одну проблему... Хорошо, месье, большое спасибо, я навещу Гвадалон в более подходящий час.

Он еще раз пытливо посмотрел Артему в глаза, при этом во взоре человека отразилось недоумение, сел за руль и завел мотор. В машине он был один. Затянутый узел в груди начал потихоньку расплетаться. Укололо в правом боку: это я,

твоя единственная печень... Взявшись за бок, Артем угрюмо смотрел, как японский внедорожник тронулся с места, выехал на дорогу и через минуту скрылся в лабиринтах осадочных пород. «Разве в Японии есть внедороги?» – почему-то подумал Артем.

Ветер усилился. Резкий порыв ударил в спину, чуть не вытолкнув его на дорогу. Почему голубоглазый тип приехал сюда в такую рань? А может, всю ночь стоял у ворот? Нет, не может быть, охрана бы его прогнала. Странная история...

Он поспешно зашагал в поместье. Охранник по имени Эжен бессовестно храпел в своей «собачьей» будке, прикрывшись (от стыда, наверное) глянцевым журналом. Он сменил за пару месяцев всю прислугу в поместье – дворника, горничную, управляющего, охрану. Не хотелось, чтобы перед глазами постоянно стояли свидетели былой трагедии. Но как ему порой не хватало добросовестности прежних работников...

В закоулках первого этажа гудел пылесос. Горничная уже поднялась и приступила к своим обязанностям. Он укрылся в буфете, чтобы не смущать скромную девушку. Эти русские такие дикие. Припал к крану. Что за гадость он потреблял вчера? Липкое, слащавое, чудесного цвета тормозной жидкости, явно сваренное средневековым аптекарем. Ликер «Шартрез». Оприходовал всю бутылку, мама дорогая. Зачем? Это же не пойло, а лекарство, его не пьют, а принимают по каплям. Сложнейшая рецептура из сотни трав, пло-

дов и кореньев с Альпийских гор. Только три монаха знают рецепт. А потом? Приехала на джипе Селин Шаветт, вразумляла, что ликеры подаются к кофе – в крайнем случае, к чаю, фруктовому десерту, пьются после сытного обеда, по закону Архимеда, чтобы в полной мере ощутить вкус божественного напитка. Но он не поверил. Куда потом исчезла оскорбленная Селин? Что он вытворял вчера вечером? Строил охрану, учил, как надо жить и нести службу, приставал к горничной, издевался над почтеннейшим мажордомом месье Калуа? Или не было ничего?

История с незнакомцем у ворот выдуло из головы, как табачный дым из автомобиля. Память, как всегда, ни к черту. Он выглянул из буфета, на цыпочках побежал к лестнице. Нужно суметь не свернуть себе шею, найти кровать, проспать до обеда, чтобы не было потом так мучительно больно...

До обеда он, в принципе, проспал, но боль не унялась и хороших новостей не прибавилось. Он проснулся от стука в дверь: стыдливого, вкрадчивого, но очень настойчивого. Такой манерой обладал месье Калуа – новый управляющий, которого он принял в позапрошлом месяце взамен выбывшего Огюста Шавра.

– Входите, Калуа, не стесняйтесь, надеюсь, дверь не заперта, – проворчал Артем, принимая сидячее положение, – и обрадуйте меня сообщением, что я вчера совершенно не напился.

Вошел управляющий – подтянутый, маленький, сухонький, с бескровным сухим лицом, поразительно похожим на лицо дожа Леонардо Лоредано со знаменитого полотна Джованни Беллини. Этот тип просто не умел улыбаться. Чувством юмора он обладал, а улыбаться не умел. Наверное, этим и подкупил, когда по объявлению о конкурсе на место управляющего прибыли сразу шестеро обитателей Шантуа с соответствующим опытом работы и демонстрировали Артему свои умения. Пару раз он пытался подловить нового работника, шутил – с его точки зрения, удачно, говорил о повышении зарплаты, о дополнительном выходном – бесполезно: на лице управляющего всегда присутствовало только одно выражение – надменное равнодушие.

– Вы вчера совершенно не напились, месье, – холодно сообщил управляющий, – вы были трезвы до безобразия. Но есть и плохая новость. Боюсь, что в замок прибыла полиция во главе с вашим любимым инспектором Шовиньи и настойчиво желает вас видеть.

– Да, вы правы, – вздохнул Артем, – от такого известия трудно залиться слезами тихого счастья. Как вы думаете, они не собираются меня арестовать?

– Сомневаюсь, месье, – подумав, сообщил управляющий, – у меня сложилось впечатление, что сегодня полиция вас арестовывать не намерена. Может быть, завтра. Или послезавтра. Но беседа с инспектором Шовиньи вам предстоит нелегкая, уж поверьте моей наблюдательности.

– Хорошо, Калуа, спасибо, сейчас спущусь, идите и скажите этим упырям, что я безмерно счастлив... – чертыхаясь, проклиная Фемиду, которая никак не хочет от него отвязаться, Артем принялся вылезать из холодной кровати.

– Где изволите принять посетителей, месье? – приосанился управляющий.

– В Розовой гостиной, – неприязненно покосился на него Артем.

– О месье, в нашем замке имеется Розовая гостиная?

– А разве нет?

– Насколько знаю, нет.

– Тогда в бильярдной.

– Вы хотите сказать, в условной бильярдной, ме...

– Именно, Калуа! – никакого сладу с этими работничками...

– Воля ваша, месье, пока вы будете одеваться и ликвидировать с лица последствия вчерашнего трезвого образа жизни, я сопровожу гостей в бильярдную. Но должен вам напомнить, что в той части замка еще не проводился ремонт, в бильярдной голые стены, два стула, никакого бильярда и... решетки на окнах.

– Отлично, – пробормотал Артем, – временно сделаем это помещение комнатой для допросов.

Приводить себя в порядок он не стал. Какие условности, когда приходят старые друзья? Как был, взъерошенный, больной, несчастный, озабоченный только тем, чтобы его

оставили в покое, он спустился на первый этаж. В бильярдной, осторожно примостившись на двух шатающихся стульях, сидели двое. Инспектор Шовиньи за последние полтора месяца стал еще угрюмее и циничнее. Во всей его одежде, за исключением красных носков, преобладали серые тона. Второго полицейского Артем не знал: молодой, скуластый, с редкими волосами, одет с иголочки.

– Как славно, инспектор, что все хорошее возвращается, – буркнул Артем, присаживаясь на подоконник, – вы прекрасно выглядите. Неужели весна?

– Вы тоже превосходны, господин Белинский, – не удержался от угрюмой шпильки инспектор, – здоровеете, цветете. Сразу видно, что жизнь наполняется новым смыслом, становится духовно богаче, увлекательнее. Скажи, Александр, – обратился инспектор к молодому коллеге, – ведь, правда же, этот тип с похмелья здорово похож на придурка Майка Майерса?

– Не знаю, инспектор, – пожал плечами молодой коллега, – мне сложно судить. Я вижу господина Белинского впервые. Как знать, может, он и в трезвом виде такой же.

– Да нет, – оскалился Шовиньи, – я помню времена, когда он нравился неразборчивым женщинам. Не могу понять, что вы находите в бутылке, господин Белинский?

– Все краски мира, – буркнул Артем, – а еще водка шлаки в организме сжигает. Послушайте, инспектор, это, конечно, очень мило с вашей стороны, что вы нашли время...

– Вот видишь, Александр, до чего доводит безделье, – назидательно сказал инспектор. – За отчетный весенний период месяц Белинский не нашел себе никакого занятия. О, благодатная Страна бездельников! – патетично воскликнул инспектор. – Где жареные куропатки влетают в рот всем желающим...

– Всемирное разделение труда, инспектор, – пожал плечами Артем, – одни работают, другие нет. Главное, найти свое место в жизни.

– Главное – его занять, – поправил молодой полицейский и, брезгливо поджав губы, посмотрел по сторонам.

– Да, это помещение не страдает избытком гламурности, – сдерживая смех, согласился Артем, – замок Гвадалон, в силу странностей моего характера, ремонтируется сверху. Для вашей же пользы, господа полицейские – чтобы не засиживались.

Инспектор возмущенно крикнул. Его коллега стал покрываться пунцовыми пятнами.

– Хорошо, господин Белинский, перейдем к делу, – процедил инспектор и извлек из внутреннего кармана плаща несколько фотоснимков. – Кстати, познакомьтесь, – он небрежно кивнул на своего коллегу, – наш новый работник. Сержант следственного отдела управления полиции Шантуа. Недавно прибыл из провинции...

Последнее слово рассмешило всех, даже горничную «компакт-класса» (очень маленькую Аннет), которая собралась

зайти в бильярдную со своим пылесосом (интересно, зачем?), но, увидев такое высокое собрание, быстренько ретировалась.

– Дюма, – помедлив, сказал инспектор, – Александр Дюма.

– Читал, – удивился Артем.

– Нашего сержанта зовут Александр Дюма, – терпеливо пояснил Шовиньи, а сержант при этом стал красный как вареный рак. – Какие странности, месье? Он вырос в семье адвоката Жореса Дюма, и у отца хватило юмора и наглости называть сына Александром.

– У вас большое будущее, сержант, – заметил Артем, из последних сил сдерживая смех. – Но при чем здесь полиция? Для полицейских существуют и более подходящие имена. Например, инспектор Шовиньи...

Инспектор крякнул.

– Да, наш Александр уже пописывает новеллы. Криминального, так сказать, свойства. И знаете, месье, их отдельными местами можно читать...

– Не пора ли переходить к делу, инспектор? – раздраженно перебил Александр Дюма.

– Спокойно, Александр, – сказал Шовиньи, – сейчас господину Белинскому станет не до смеха. Посмотрите, пожалуйста, фотографии, господин Белинский. Вы узнаете изображенного на них?

В следующий миг ему действительно стало не до смеха.

Все четыре фото в разных ракурсах изображали одного и того же человека. Мужчина средних лет, короткие волосы, голубые глаза, лицо из тех, что плохо запоминаются (но Артему оно запомнилось). Человек был мертв. Будучи живым, он, вероятно, собирался выйти из джипа, припаркованного у аптеки на улице Вогез (о чем извещали вывеска на аптеке и табличка на здании). В этот момент его и настигла ирония судьбы. Первая сразила в сердце, вторая была контрольной – точно по лбу. Ноги несчастного покоились в салоне, голова лежала на бордюре. Несколько часов назад этот человек сидел в своем джипе у ворот поместья Гвадалон и настойчиво хотел видеть господина Белинского.

Он выдал свои чувства непроизвольной судорогой лицевых мышц. Полицейские радостно переглянулись.

– И что? – сглотнул Артем.

– Вы знаете этого человека? – мягко спросил Александр Дюма.

– Не имею чести, – Артем покачал головой.

– Не врете, – разозлился инспектор, – я вижу по вашим глазам, что вы его знаете! Почему вы всегда врете, месье Белинский? Все наши беседы вы начинаете с вранья! Им же их и завершаете!

– Натура такая, – пробормотал Артем, – тонкая, чувствительная и очень противоречивая. Уговорили, инспектор, сегодня врать не буду. Я не знаю этого человека, – он сделал предупредительный жест, когда инспектор собрался схва-

тить его за горло. – Спокойно, инспектор, с этих аварийных стульев следует вставать медленно, иначе можно оконфузиться. Чистая правда, я не знаю этого господина. Но я его сегодня видел, – и он со всей искренностью, не приврав ни слова, поведал об утреннем происшествии.

Несколько минут в «бильярдной» царило молчание. Полицейские неприязненно созерцали честное лицо художника.

– Ну, допустим, – неохотно выдал Шовиньи, – не понимаю, зачем вам врать. Тело обнаружено в девять утра, когда хозяйка аптеки госпожа Шалинь открыла свое заведение. Дверь машины была распахнута с правой стороны, тело лежало так, что прохожие с улицы его не видели. В отличие от госпожи аптекарши, которую от такой находки чуть не разбил паралич. Бедная женщина так и не успела снять свои жалюзи. Стреляли из подворотни напротив. Пули двенадцатого калибра, мгновенная смерть...

Инспектор удрученно покачал головой, как бы сетуя, до чего распоясалась преступность.

– У меня алиби, – быстро сказал Артем. – Это вы о чем? – удивился сержант.

– О пользе пьянства, – отозвался Артем, – и тяжелого беспробудного сна. Понимаю, что меня очень сложно обвинить в убийстве, но разве для полиции существует что-то невозможное?

– У вас были причины его убить? – любопытно спросил ин-

спектор.

– Ни единой. Ладно, инспектор, давайте перестанем кривляться. Сегодня утром мне было тяжело и гадко. Ума не приложу, почему меня вынесло за ворота. Этот человек мне сразу не понравился, и я решил ему приврать. Назовите это интуицией, предчувствием, глупостью – как хотите.

– Странно, что он вас не узнал, – пожал плечами сержант, – на теле покойного обнаружено ваше цветное фото, пистолет «браунинг» девятого калибра с глушителем и крупная сумма денег – восемь тысяч евро. Возможно, задаток.

– Вы хотите сказать... – слова застряли в горле.

– Этот тип приехал, чтобы вас убить, – кивнул сержант. – Наемный убийца. Sicario. Это по-испански, гм... Имеет паспорт на имя Оливье Варнера, уроженца и резидента города Вилль, что в окрестностях города Бреста, область Нормандия. Подлинная личность данного человека в данный момент уточняется.

– О боги... – Артем схватился за голову. Полицейские переглянулись.

– И все же странно, что он вас не узнал, – сказал сержант.

– Ничего странного, – возразил инспектор, – господин Белинского спасло пьянство. Его и сейчас невозможно узнать. А каково было шесть часов назад? И это при том, что на фото месье Белинский запечатлен в тот момент, когда он еще считался приличным человеком. Разные люди, Александр.

– Возможно, инспектор, – допустил сержант, – и все же странная история. Допустим, перечисленные вещи покойному просто подбросили. Но лично я не верю – убийце пришлось бы вылезти из подворотни и попасться кому-нибудь на глаза. Да и сложно как-то...

– Не будем усложнять, – согласился Шовиньи. – Странно, господин Белинский: наемный убийца прикончил наемного убийцу. Не возражаете? Почерк преступления выдает профессионала.

– Позвольте не согласиться, инспектор, – возразил сержант, – профессиональный убийца и наемный убийца – не всегда одно и то же. Но то что у господина Белинского появился анонимный ангел-хранитель – можно не сомневаться. Некий господин... – сержант помедлил, – или госпожа обрели информацию, что по душу владельца Гвадалона прибыл злой демон, и быстро от него избавились.

– Не надо так смотреть, господа полицейские, – рассердился Артем, – дырку протрете. Я действительно не понимаю, что происходит. Разбирайтесь, если хотите. Не исключая отзвук событий, имевших место в Гвадалоне полтора месяца назад. Ищите убийцу, он вам все объяснит.

– Будем искать, – вздохнул инспектор. – Кстати, месье, где ваши друзья из России? Помнится, они имели отношение к обеспечению безопасности вашей картинной галереи?

– В России, – махнул рукой Артем. – Уехали две недели назад, что легко проверяется. Вместо них работают сотруд-

ники охранного бюро «Давид». Не там копаете, инспектор.

– «Давид»? – удивился Шовиньи. – А ведь раньше на вас работала охранная фирма «Голиаф».

Полицейские рассмеялись.

– Рад, что вы знакомы с древними мифами, – проворчал Артем. – Давид прикончил Голиафа, и в современной жизни мы наблюдаем полное соответствие. Еще вопросы, господа? Или желаете выпить?

– Рисковый вы парень, месье, – покачал головой инспектор, – и невезучий, по всему виду. Со всех концов к вам летят кирпичи и отравленные стрелы. А еще храбритесь.

– У нас в России таких называют суперсаперами, инспектор, – ухмыльнулся Артем. – Это те саперы, которые на ошибках учатся.

Французская весна тянулась со скоростью российского сухогруза. Арестовали убийцу, повинного в смерти восьми человек. Картина Рубенса «Снятие с креста» перекочевала в скромный музей города Шартарена, отчего тот сразу возгордился и перестал быть скромным. Павел Фельдман и сотрудники детективного агентства «Арчи Гудвин», Федор Каварзин и Изабелла Виннер, наладили охрану картинной галереи, жили в замке, занимая отдельное крыло. Тянули деньги с работодателя. Неторопливый роман с очаровательной Селин Шаветт. Неторопливые поездки – Париж, Марсель, весенняя Ницца. Размеренная жизнь, содержательная пища трижды в день под чутким оком кухарки Саманты. Работать не хоте-

лось совершенно – ни писать, ни администрировать, ни оборудовать галерею на вкус и цвет. Утратил он охоту к творчеству. «Затянуло мешчанское болото, ох, затянуло», – поглядывая на округлившийся живот работодателя, укоряла Изабелла. «Сложилась жизнь у дорогого россиянина, – вторил Изабелле вечно недовольный Федор, – из грязи в князи, понимаешь ли...» – «Не сложилась, а удалась, – шутил в ответ Артем, – сложилась – это когда тебя уважают. А удалась, когда самому нравится».

В середине апреля, по убедительной просьбе городского собрания Шантуа, он открыл картинную галерею для посетителей. Теперь трижды в неделю – по понедельникам, средам и пятницам – в замок тянулись любители искусства. Бродили по залам, глазели на французскую живопись, активно игнорируя таблички «Посторонним не входить» и «Руками не трогать». Пускали посторонних, слава богу, не в сам замок, а только в западное крыло. И вход для них был отдельный. Пока ценители наслаждались искусством, на верхнем этаже велись ремонтные работы. Подрядная команда на семьдесят процентов состояла из «гастарбайтеров». Гремучая смесь: арабы, молдаване, турки, алжирцы. Но дисциплина держалась, как в римском легионе. Второй этаж менялся на глазах. Иногда Артем бродил по ремонтируемым помещениям, спотыкаясь о строительные предметы, и раздавал ценные указания. Он много знал о строительном деле, например, что шуруп, забитый молотком, держит гораздо крепче, чем гвоздь,

закрученный отверткой. И если в розетке поменять «плюс» и «минус», то лампочка немедленно начнет вырабатывать теплоту и холод...

Спокойствие казалось непривычным, обманчивым. Он так отвык от размеренного спокойствия. Он наслаждался им, пил по капле, не замечая, что спокойствие потихоньку раздражает всех вокруг.

Недовольство зрело и в один прекрасный день прорвалось.

– Прости, Артем, – сказал погрузневший Павел Фельдман, – ты – в своей тарелке, мы – нет. Изабелла с Федором рвутся в Россию. Им нужно развеяться на родных просторах. Мне тоже надо, знаешь ли... отлучиться ненадолго, – Павел замялся, что было для него абсолютно нехарактерно.

– Топайте, – пожал плечами Артем, – вас никто не держит. Агентство «Давид» спит и видит, как бы взять под охрану мою галерею.

– Мы вернемся, – Павел покраснел. – Знаешь, мне тут Эльвира позвонила... Она была не уверена, а потом не знала, как мне сообщить. В общем, – Павел сокрушенно вздохнул, – я скоро стану папой.

– А что, Бенедикт XVI приболел? – машинально откликнулся Артем и осекся.

– Ты очень сообразительный, – горько усмехнулся Фельдман. – Залетел я на старости лет. Ума не приложу, печалиться или радоваться. Честно говоря, мы с Эльвирой собирались

разводиться. А теперь получается, что я еще не сполна отдал супружеский долг. Зато с тещей наладились прекрасные отношения.

Он не стал говорить, что теплые отношения с тещей прямо пропорциональны квадрату рас стояния до нее. С приближением к родному дому отношения остывают. А вообще-то, Фельдман-отец – это чертовски интересно. Будущее обещает грандиозный спектакль.

– Терпи, друг, – похлопал он приятеля по плечу, – и будет тебе AMOR.

Они уехали пятнадцатого мая, получив от Артема положенный за полтора месяца «расчет» (за вычетом многочисленных авансов).

– Держись, приятель, – пожал на прощание руку Фельдман, – понимаю, как тяжело на чужбине бедному российскому миллионеру, но в общем... держись.

– До встречи, Артем, – обняла его, смахнув слезу, Изабелла, – мне будет тебя не хватать.

– Да нормально ему тут будет, – обвел Федор ухмыляющимся взором частично обновленное пространство. – Жуть, как говорится, стала лучше, жуть стала веселей...

С той поры он стал частенько прикладываться к бутылке. Селин Шаветт могла наносить визиты не чаще трех раз в неделю (всплыла больная мама, ребенок от беглого мужа пяти неполных лет) – в эти дни он не пил, по крайней мере, не увлекался, а вот в другие... И вообще, плотность любви

на единицу веса стала снижаться. И снова он не понимал, что такое происходит. Что он хочет от жизни? Погряз в исканиях? Куда там – он просто ничего не хочет. Много ли ему нужно из того, что не нужно? И вот в один из последних дней мая он напился в присутствии Селин, да еще этот случай с наемным убийцей...

Он бродил по замку неприкаянной тенью («Дрожжей наелся», – непременно схохмила бы Изабелла). Сегодня воскресенье – в замке ни строителей, ни посетителей галереи. Год безумной жизни оживал перед глазами. Роковая поездка в Нидерланды, где ему в руки попало «Торжество истины» Питера Брейгеля, впитавшее зло и пролежавшее под землей несколько столетий. С него и стартовала свистопляска. Беготня по Амстердаму, мощная сатанинская организация, их оппоненты из Вестфальского тайного судилища и лично господина Ангерлинка, который после уничтожения опасного шедевра положил глаз на молодого удачливого россиянина. Беготня по земному шару за коллекцией божков африканского племени умбара, кои каждый по себе сеют зло и несчастье, а вместе приносят добро и процветание всем жителям отдельно взятого земного шара. Смерть Ангерлинка, нервотрепка, в которую вылилось обладание бесценной коллекцией. Своевременное появление господина Гергерта, предложившего обменять божков на «прекрасный» замок во Франции, который не просто так – груда старого камня, но и вместилище классической французской живописи. Сдел-

ка оказалась с подвохом: вакханалия вокруг поместья Гвадалон, горы трупов, и все благодаря фламандскому живописцу средней руки Клоду Шандемо, выкравшему по младости лет у великого Рубенса одно из его творений...

И Артем Белинский, обретающий в каждой схватке клок седых волос, но непременно выходящий сухим из воды. И что характерно – богатым.

Памятуя о конфузе прошлой ночи, он решил воздержаться от градуса. Селин Шаветт вошла в его комнату, когда он плавал в полудреме, размышляя о том, что пора согласиться с Кораном: земной мир – это лишь иллюзия мира подлинного, сокрытого от глаз смертных. За окном серебрились сумерки. Она приблизилась к нему, статная, ухоженная, невыносимо сексуальная. Он протянул к ней руки: о, оставь одежды всякая сюда входящая...

– Какие мы сегодня трезвые, – недоверчиво прошептала Селин, следуя его мыслям, села на кровать – такая воздушная, эфемерная.

– Гражданка, почему бы вам не позаботиться о моей заблудшей душе? Пройдемте, пожалуйста, на сеновал... – он тщетно пытался ее коснуться. Она ускользала, смеялась, хотя ни слова не понимала по-русски.

– Опять ты куда-то спешишь. Как тебе моя новая прическа?

– Нормально. Отрастет, – она смеялась, когда он положил ее поперек кровати, кинулся жадно целовать. Не успе-

ли опомниться, одеяло убежало, улетела простыня, буря захлестнула, понесла – как ураган крошку Элли из степей Канзаса...

«Действия сексуального характера» были сумбурны, яростны и непредсказуемы. Они очнулись где-то на полу, вперемешку с одеждой, стоптанными тапками Артема, доковыляли до ванной и вернулись в кровать.

– А теперь рассказывай, дорогой, – прощепетала Селин, – по Шантуа ходят упорные слухи, что тебя пытались прикончить. Опять неприятности?

– Да, пустое, – храбрился он, – вот если бы прикончили – тогда точно неприятности.

Она курила, пуская к потолку колечки дыма, а он любовался изгибами ее тела, «художественной» линией подбородка, смешной мальчишеской стрижкой. Она всегда с интересом рассматривала копии ксилографии «Плясок смерти» Ганса Гольбейна, которые он от большого ума повесил напротив кровати. Сценки жизни шестнадцатого столетия – без замысловатых композиционных приемов, лица однотипны, детали скупы, но в каждой сценке присутствует смерть в виде симпатичного скелетика. Он смотрит на зрителя, точнее, сквозь зрителя, а занят собственным делом: уводит под локоток священника от удивленных прихожан, что-то воркует монарху, подливая ему в кубок, достает своим присутствием пожилого землепашца, сдувает пылинки с молодого городского денди. «А зачем это? – однажды спросила Се-

лин. – Лежишь в кровати и постоянно видишь смерть». «А это оберег, – лаконично объяснил Артем, – гомеопатия в искусстве. В мелких дозах не вредна, а даже лечит».

– Абсолютно ничего не приходит в голову, – пожаловалась Селин, давая сигарету в пепельнице и устраиваясь у него на груди. – Это может быть отголосок твоих былых подвигов?

– Это может быть отголосок даже моих будущих подвигов, – хвастливо заявил Артем, – не бери в голову. Убить Артема Белинского, как показывает практика, занятие трудоемкое. Не знаю, кто этот добродетель, всадивший в Оливье Варнера две пули, но фору он мне дал. Теперь таинственный злодей трижды подумает, прежде чем повторить. Полагаю, он немало удивлен фактом ликвидации своего исполнителя. Мысль он уловил. Селин засмеялась.

– Ты прав, стрельба – это тоже передача мыслей на расстояние. И все же будь осторожен. Знаешь... я бы сама этого не хотела, но, наверное, тебе необходимо уехать из Гвадалона на несколько недель ... – она застыла, видимо, сама удивленная своим предложением. – У меня имеются связи – в охранных, полицейских, криминальных кругах. Попробую что-нибудь выяснить.

– Но ты же не собираешься сегодня ночью исчезнуть из этой кровати? – встревожился Артем.

– Собираюсь, – она повернула к нему блестящие глаза, – стоит ли тратить драгоценное время на какие-то нелепые телодвижения? – и вновь услаждающий ухо смех рассыпался

по спальне. – Ты бы видел, как выросла у тебя мозговая часть лица... Шучу, дорогой, мне очень хорошо с тобой. Но надо уезжать. Сегодня ночью с вверенными работниками я должна проверить несколько подотчетных объектов.

– Ты можешь бросить к чертовой матери свои объекты, – проворчал Артем, – перебраться в этот замок и спокойно здесь жить.

– Правда? – удивилась Селин.

– Клянусь.

– Смелое заявление, – Селин задумалась, – кого-то сильно допекло. Знаешь, милый, возможно, на досуге я когда-нибудь обдумаю твое предложение, но только не сегодня, хорошо? Ты же ничего не понимаешь в психологии женщин, которые, как выражаются проклятые англичане, сделали себя сами.

Он очнулся через несколько часов по зову будильника. Будильники, как однажды мудро выразился Фельдман, бывают разные: механические, электронные, кварцевые, моче-половые... Селин в постели уже не было. И в ванной ее не было, и, видимо, нигде в замке (если она не переквалифицировалась в привидение). Тоскливо размышляя о психологии женщин, которые сделали себя сами, он навестил санузел, оделся и вышел из апартаментов. Наступила ночь – самое время погонять пугливых девочек в ночных рубашках. В окно над лестницей заглядывала ядовитая луна. На спутнике Земли четко вырисовывались контуры лунных гор и лунных

морей. Дорожка в буфет была проторена, он мог осилить ее в любое время суток с закрытыми глазами. Держась за перила, он спустился в холл, постоял, прислушиваясь. Трепетная тишина, каменные запахи (кто-то не верит, что старые стены могут пахнуть?). За два долгих месяца он так и не привык, что эта жуть – его. Он юркнул в буфет, быстро нашел все, что нужно в трудный час, выпил, налил еще, отправил за первой порцией, наполнил третий бокал, сделал передышку, равную двадцати ударам сердца, решительно осушил емкость. Набрался храбрости. Или чего он там набрался?

В общем, набрался. Из буфета он вышел, старательно держась за стенку. Самое время немного поспать. С собеседниками в этот час – как с колбасой в годы развитого социализма...

Мутная тень оторвалась от стены, двинулась наперерез. Он поздно среагировал, восприятие запаздывало, отшатнулся, отставил ногу, пригнулся, словно пуля уже летела ему в лоб...

– Спокойно, Артем Олегович, – прозвучал насмешливый, знакомый голос, – поберегите боевую стойку для более искушенного соперника. Встречайте гостя, ну что вы застыли, как тупой африканский идол? Ну и запах от вас...

Изумление было настолько велико, что он практически отрезвел. Ночной посетитель не был привидением. Он сидел в кресле, весь в черном, прямой, как штык, почти не изменившийся за четыре месяца, покручивал тросточку с эбони-

товым набалдашником, насмешливо созерцал взорванную страстью кровать и взъерошенного собеседника.

– Потрясающая стабильность, Артем Олегович. Вы беспробудно пьянствовали, когда господин Островский с коллегами предложил вам прогуляться по земному шару за коллекцией умбара. Вы пили как сапожник, когда я предложил вам обменять упомянутую коллекцию на прекрасный замок и картинную галерею в придачу. Вы дуete отраву сегодня ночью – будучи владельцем замка и великолепного собрания живописи. Неужели это так увлекательно? Или жизнь не балует приятными моментами?

– Не юродствуйте, господин Гергерт, – проворчал Артем, – я просил вас о помощи два месяца назад, когда прибытие в Гвадалон ознаменовалось чередой насильственных смертей, и меня самого чуть не отправили к праотцам. Увы, помощи от вас я не дождался.

– Упрек принимается, – с достоинством кивнул Гергерт. – Сожалею, у нашей организации не было возможности оказать вам содействие. История, приключившаяся с вами, не имела отношения к нашему...м-м, братству. Не ждите извинений, Артем Олегович, вы сами прекрасно справились. Bravo. Я в курсе вашей блестящей деятельности. Но мы исправили свою ошибку, согласитесь. Да, был просчет, каюсь, когда наемный убийца подобрался к вам вплотную. Но вы и здесь выкрутились. А ему недолго оставалось гулять по белу свету...

– Минуточку, – изумился Артем, – выходит, это вы ликвидировали Оливье Варнера?

– Обижаете, Артем Олегович, – представитель тайного европейского судилища сделал протестующий жест, – ваш покорный слуга никогда никого не ликвидирует. Воспитание, знаете ли, не позволяет. Для этого существуют специальные, назовем их так, люди. Оливье Варнер – а это подлинное имя злоумышленника – работал по заказу некоего Жюльена Манжу, имеющего родственные связи с некой мадмуазель Катрин Дюссон, а точнее, приходящегося ей сводным братом. За последнее время Жюльен Манжу несколько раз посетил подследственную в изоляторе временного содержания в Кале. О чем они беседовали, можно догадаться.

– Банальная месть, – ахнул Артем.

– Вроде того, – согласился Гергерт. – Женщины – устройства технически сложные и мстительные. Но произошел досадный несчастный случай: несколько часов назад господин Жюльен Манжу попал под машину, возвращаясь с очередного свидания с любимой сестрой.

– Не много ли трупов в борьбе за справедливость? – нахмурился Артем.

– О, несколько, – господин Гергерт цинично улыбнулся. – Не нужно измышлений, Артем Олегович. Банальный дорожный инцидент. Как говорят у вас в России, сбит неустановленной белой иномаркой. Он живой, не волнуйтесь. Но с этого часа вы находитесь в относительной безопасности. Если

опять куда-нибудь не вляпаетесь. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я не мог афишировать свой приход в Гвадалон? Полиция разыскивает вашего ангела-хранителя, не так ли?

– Вы правы, – удивился Артем, – им ничто не мешает установить за замком наблюдение.

– Наблюдения нет. Но пришлось проникнуть к вам тайно, чтобы не видели проживающие в замке, которые непременно доложат полиции о моем посещении.

– Вы имеете обыкновение проходить через стену?

– И смотреть ушами, – рассмеялся Гергерт. – Все гораздо проще, Артем Олегович. Охраннику на воротах померещилась пьяная драка на дороге, знаете ли, он вышел наружу, не заметив, как некий полупрозрачный джентльмен успешно растворился у него за спиной. Примитивная отмычка, и вот уже покоряется огромная входная дверь...

– Вы рискованный парень, – заметил Артем.

– Только в те нечастые дни, когда заедает рутина. Исключительно в плане размять старые кости, гм... Надеюсь, вы сможете меня отсюда вывести незамеченным?

– Я вас сдам полиции, – проворчал Артем, – а то и кретинам в штатском, которые имеются в любом государстве, и Франция не исключение. Приступайте к делу, господин Гергерт, вы не просто так решили размять старые кости. Вам опять от меня что-то нужно.

Посетитель немного напрягся и подался вперед.

– Вы не обременены делами, Артем Олегович. Вам на все хватает времени...

– Просто маленькое все, – улыбнулся Артем.

– Вы неглупый человек...

– Да, я с отличием окончил школу для умственно-отсталых детей. Не могу отделаться от мысли, что мне опять собираются делегировать большие полномочия. Снова мир в опасности?

– Да, – резко ответил Гергерт, – надеюсь, вы не собираетесь жаловаться в европейские правозащитные организации?

Исподволь тоска забиралась в душу. Предчувствие громадной подлости. Вот уж воистину – однажды попавшись на крючок... Формально тайные судебные общества перестали существовать в девятнадцатом веке. Фактически – существуют в наше время, принимая к сведению преступления против христианской религии, Евангелия, десяти заповедей. Фанатиков уже нет, каждое преступление тщательно расследуется. Если вина доказана – виновные караются. Организация покойного фрейграфа Ангерлинка (мультимиллионер Ян ван Гедерс – глава корпорации «Раухглас», коллекционер, филантроп и пароход) – глубоко законспирированная, влиятельная, щупальца разбросаны по всему миру, действует бескомпромиссно. Однажды вступивший в организацию обратно не выходит. «Клянусь в вечной преданности тайному судилищу, клянусь защищать его от самого себя, от во-

ды, солнца, луны, звезд, всех живых существ, поддерживать его приговоры, способствовать приведению их в исполнение»... Ангерлинк скончался – да здравствует Ангерлинк! Свято место пусто не бывает. Что он знает о конкретных подвигах судилища? Разгром сатанинской секты, идущей по следу «Торжества истины» Питера Брейгеля Старшего. Ликвидация (под корень) секты мракобесов на западе Германии. Расстрел влиятельного итальянского депутата – члена тайной богопротивной организации. Побоище в «Аргентум Аструм», промышленяющей в поисках бессмертия и вечной молодости... Капля в море. Ничего он не знает. И самое главное – никогда он НЕ БЫЛ и НЕ БУДЕТ членом Вестфальского судилища! Он простой парень, попавший однажды в переплет. Не его вина, что он лично был знаком с Вольным графом!

– Да, вас обещали оставить в покое, – невозмутимо гнул Гергерт, – но с делом, которое назревает, справиться можете только вы. Придется потрудиться. Почему вы – объясню позже. Во-вторых, вы заскучали. В-третьих, мы спасли вас от смерти и вправе требовать взаимности. В-четвертых, вы будете заниматься отнюдь не благотворительностью. Оплату установите сами – в разумных, разумеется, пределах.

– А где кончаются разумные пределы? – вздохнул Артем.

Гергерт сдержанно рассмеялся. – Как говорили ситуационисты, будьте реалистами – требуйте невозможного. Разумные пределы, Артем Олегович, кончаются примерно на по-

лутора миллионах. К сожалению, не в евро. В убитых енотах. Знаете такую валюту? Теперь о деле... – он подался вперед, казалось, сейчас бросится. В глазах посетителя заблестели льдинки. – Вы знаете, чем занимается наша организация. Поэтому удивляться не будете. В окрестностях венгерского города Мишкольц в начале мая ликвидирована секта дьяволопоклонников, возглавлял которую некто Ласло Вохач – один из богатейших людей Венгрии, имевший тесные связи с правительством и даже заседавший одно время в бюджетной комиссии при Совете президента. Успешно и, в общем-то, небезосновательно выдавал себя за Астарота – одного из сподвижников Сатаны. Ласло и его людей обложили, взяли штурмом поместье, взорвали сатанинское гнездо при помощи грузовика, напичканного тротилом. Полиция сделала вид, что оглохла. Но оказалось, Ласло Вохач был предупрежден о грядущем разгроме. Сам решил не скрываться, резонно полагая, что теперь от него не отцепятся, забрался на скалу и прилюдно, чертовски эффектно, сверзился вниз в развевающемся плаще. Акцию сняли на любительскую камеру. Таким образом, взять Ласло Вохача ни с личным, ни... с наличными не удалось. Коллекцию «Око Леонарда» за час до акции погрузили в вертолет и вывезли в неизвестном направлении...

– Минуточку, господин Гергерт, – перебил Артем, – понятно ваше стремление превратить меня в филиал вашей организации, но давайте без пробелов. «Око Леонарда»... Лео-

нард, если не ошибаюсь – одно из имен Дьявола?

– Они неисчислимы – имена искусителя, – сделал одухотворенное лицо Гергерт, – Люцифер, Мефистофель, Сатана, Воланд, Леонард... Тот еще рецидивист. У Вохача в особняке имелась коллекция художественных полотен, являющихся если не фетишем, то, по крайней мере, вдохновляющей силой жутковатых ритуальных обрядов. Коллекция пропитана разрушительной энергией. От нее исходит такая могильная аура, что нормальный человек, если у него все в порядке с головой, не продержится рядом с ней и трех минут. Сбежит. Помните картину Питера Брейгеля Старшего «Торжество истины»? Она была заряжена магической силой. Но это одна картина...

– По крайней мере, ничего чуждого, – вздохнул Артем.

– Ваша прямая специальность, – подтвердил Гергерт. – Вы у нас непревзойденный знаток и ценитель классической живописи. Хотя и тяготеете, скорее, к мягким художественным решениям.

– Живопись классическая? – удивился Артем.

– О том и речь. Коллекция «Око Лернарда» – порядка тридцати пышных полотен, выполненных во вполне реалистичной, хотя и страшноватой манере. Подражание Рафаэлю, позднеренессансно-маньеристической манере письма, знаменитым испанским мастерам – по форме, но отнюдь не по содержанию. Кастильская, андалузская школы. Датировка произведений – от шестнадцатого до двадцатого века.

Своеобразные «библейские сюжеты» наоборот. Портреты, «бытовые сценки». Главный герой творений, разумеется, Князь Тьмы. А также его ближайшие коллеги, друзья и подчиненные – Магот, Астарот, Асмодей, Вельзевул. Картины выполнены талантливо – в припадке, так сказать, вдохновения творцов, безукоризненно, производят неизгладимое впечатление своей псевдореалистичностью, красочностью, превосходной гармонией цветов. Отдельным экземплярам, возможно, и недостает выразительности, но...

– Вы их видели?

– Не сказать, что собственными глазами, – передернул плечами Гергерт, – но беседовал с людьми, которым это посчастливилось. Гнетущее впечатление, надо признаться. Но отнюдь не смертельно, уверяю вас. Картины не пропитаны цианистым калием. И на человека с труднодоступными, скажем так, мозгами могут вовсе не подействовать. Вы знаете картину «Апостолы Петр и Павел» Эль Греко? Парная композиция, построенная на противопоставлении характеров святых. Петр меланхоличен, задумчив, оттеняет энергичность и напористость Павла. В коллекции имеется издательская пародия: святые уродливы, их тела изъедены гноем и рубцами... «Сошествие Святого Духа» того же Эль Греко переделано в пир Сатаны. «Мученичество Святого Варфоломея» Хусепе Рибера – в триумф восставшего ангела Люцифера, который, с христианской точки зрения, побежден Господом и низвергнут вместе со сподвижниками в ад-

скую бездну, а с точки зрения сатанистов, расстался с небесами вполне достойно и даже героически. «Мария Магдалина» не собирается раскаиваться, «Молитва Святого Бонавентуры» происходит в разгар «Черной мессы». Большинство картин выполнено в лучших традициях испанской школы. Но, в отличие от творений традиционных испанцев, не проникнуты глубоким лиризмом и добротой. Хотя объемны, пластичны, точны композиционно, гармоничны, богаты, выразительны, эмоциональны, колоритны... – запас определений иссяк, Гергерт замолчал, бросил трость и выжидающе уставился на Артема.

– И в чем смысл коллекции? – пробормотал Артем.

– С нею Дьявол, – отчеканил Гергерт.

В эту минуту ему явно не приходило в голову, что он сам чертовски напоминает упомянутого господина.

– Разумеется, в утрированном виде, – добавил, не сводя с него глаз, собеседник, – Дьявола, как такового, нет... во всяком случае, никем еще достоверно не доказано обратное. Но существует зло, которое мы и будем условно именовать Дьяволом. С утверждением спорить бесполезно. Оно повсюду. Гитлер, Сталин, Пол-Пот, бытовые убийства, ненависть, измена, стихийные бедствия, список продолжите сами... В отдельные эпохи его просто переизбыток. Зло не только в головах людей, уверяю вас. Есть предметы, которые буквально нашпигованы этой штукой. Вы можете, разумеется, сказать, что зло – понятие относительное, и даже демагогия. Для ко-

го-то это погибель, для кого-то – спасение... – собеседник замолчал.

– Продолжайте, – вздохнул Артем.

– Спасибо, коллега. Итак, живого Ласло Вохача мы добыть не смогли, коллекцию «Око Леонарда» прошляпили. Но нашим работникам удалось отследить перемещения вертолета. Он пересек границу Венгрии с Румынией в районе Сату-Маре, при этом пограничники, похоже, были заняты другими делами, пролетел сто пятьдесят километров на восток... и пропал в Карпатах – глухой, не населенной местности. В тех краях только несколько деревень. Удалось задействовать спасательные службы города Латоэ. Найдены останки вертолета. Мертвые пилоты, мертвые пассажиры. Никаких картин. Несложно догадаться, что аварию инсценировали.

– Ничего себе инсценировочка, – покачал головой Артем.

– Вы понимаете, что я хочу сказать, – поморщился Гергерт, – коллекцию разгрузили, подняли вертолет в воздух и красиво уронили. Пилоты – венгры, пассажиры – румынские цыгане. А теперь самое интересное. Недалеко от места аварии, словно говоря, в центре треугольника между населенными пунктами Борша, Родна и Сучава, в сорока километрах от границы с Украиной, имеется закрытое от цивилизации горное урочище. Там расположена резиденция карпатского царька (в миру бизнесмена) Романа Ватыну – ближайшего сподвижника и единомышленника Вохача, до которого

наша организация долгие годы не может дотянуться. Можно не сомневаться, что коллекция «Око Леонарда» прописалась в его владениях.

– Вы уверены, что этого парня зовут Роман Ватяну, – нахмурился Артем, – а не Влад Цепеш?

– Вы имеете в виду князя Дракулу? – усмехнулся Гергерт. – Ни в коем случае. Карпаты – не Трансильвания, а вампиров, увы, не существует. Во всяком случае, вампиров в традиционном понимании этого слова. К черту князя Дракулу. Забудьте о нем. Роман Ватяну – это гораздо хуже. Представьте себе маленькое горное государство, размером примерно с Ватикан, включающее в себя замок и несколько нищих деревень, жители которого обслуживают своего князька – жестокого тирана и деспота. Замкнутое место, куда снаружи не забраться незамеченными, на редких тропях – ловушки и вооруженные люди. Не подкрасться даже с воздуха. Ватяну – умный, хитрый, дальновидный. Ему примерно пятьдесят лет. Во времена правления Чаушеску возглавлял департамент госбезопасности в городе Бая-Маре. То есть человек, не понаслышке знакомый с изуверствами, пытками, интригами и устранением неудобных. Имеется мнение, что именно в те годы он дал обет верности Сатане. Подробности милого увлечения неизвестны. После казни Чаушеску пропал на несколько лет, всплыл уже довольно обеспеченным, перебрался в Горошаны – ту самую местность, которая нас интересует. Выкупил у правительства урочище, окружил

его плотной завесой тайны. А главное, подобраться к нему практически невозможно. Румыния, сами понимаете, государство со странностями – даже в наше относительно цивилизованное время. Как выглядит Ватяну, никто не знает. Сплошные мистификации. Поговаривают, он сделал себе пластическую операцию. Влиятелен, как Юлий Цезарь, держит руку на пульсе времени, контролирует правительство, спецслужбы, полицию.

– И чем он занимается в своем урочище? – спросил Артем.

– Информация скудна, – помрачнел Гергерт, – «Черные мессы», человеческие жертвоприношения, вербовка сторонников, нагнетание зла на квадратный метр... Это серьезно, Артем Олегович. Никакой показухи, перед кем, простите? В определенных кругах складывается мнение, что угроза христианскому миру из Карпат грядет нешуточная. Если верить замерам, над Горошанами нагнетается злокачественная аура. До того момента, как в урочище обосновалась коллекция «Око Леонарда», такого фона не было.

«Только не спрашивай, ради бога, что за замеры такие», – подумал Артем. После истории с картиной Питера Брейгеля и пятью статуэтками умбара у него не было оснований причислять людей из цеха Гергерта к веселому семейству умалишенных.

– Вы хотите сказать, коллекция «Око Леонарда» притягивает к себе все дурное? Или она его генерирует?

– Стоит ли подыскивать определения? – пожал плечами Гергерт. – «Око Леонарда» в умелых руках – ядерная бомба. Все, что надо сделать, – уничтожить коллекцию – надеюсь, она горячая, ликвидировать Романа Ватяну, его приспешников, сломать замок, а территорию хорошенько обработать при помощи толковых специалистов...

– Вы смотрите так тоскливо, – рассмеялся Гергерт. – Оставьте, Артем Олегович, я нормальный человек, не прибыл с тарелки, не чураюсь земных радостей, а если что, могу и справку показать.

– Знаем мы ваши справки, – пробормотал Артем, – у вас, безумцев, весь мир куплен. От меня-то вы что хотите?

– Я уполномочен предложить вам поездку к новоявленному Дракуле. Погостить, втереться в доверие, проработать возможность уничтожения картин и, если получится, собрать информацию о новом карпатском дьяволе.

Осталось только расхохотаться. Но не вышло. С маниакальным удовольствием он бы хапнул сейчас пару графинчиков аквавита и завалился спать.

– Правильно, – кивнул Гергерт, – не смешно. Почему наш выбор пал на вас, уважаемый коллега? Объясняю. На то имеются целых две причины. Существует реальная возможность добраться до логова. Только вам. Охраной урочища заведует некто Амадей Карр. Серьезный человек с холодным сердцем и полным знанием своего предмета. В прошлой жизни этот человек откликнулся на имя... – Гергерт взял паузу, – Евге-

ний Гурвич.

– Не колышет, – пожал плечами Артем, – не знаю такого.

– Да и не надо, – улыбнулся Гергергт. – Этот человек обучался на экономическом факультете Н-ского государственного университета и водил тесные знакомства с вашим приятелем... Павлом Фельдманом.

Артем сглотнул. Сюрприз, деваться некуда.

– Люди абсолютно разные, – продолжал посетитель, – но вплоть до третьего тысячелетия считались товарищами, вели общее дело – а именно: содержали охранное агентство «Глория. В двухтысячном году Евгений Гурвич уехал за границу, агентство „Глория“ развалилось, на его обломках выросло детективное бюро „Арчи Гудвин“, коим ваш приятель и руководит по сей день.

– И что? – окончательно расстроился Артем.

– Павел Фельдман – пробивной человек. У него знакомства во многих государствах. Мы можем ускорить процесс сближения, и по скрытым каналам пройдет информация, что Павел Фельдман ищет встречи с неким Евгением Гурвичем, то бишь Амадеем Карром.

– А зачем это Павлу Фельдману? – Артем уже представил бурную реакцию приятеля и характер произносимых слов. – И с какого бока здесь я? Ну хорошо, Евгений Гурвич и Павел Фельдман могут вспомнить былые годы, совместные пьянки в аудиториях и общежитиях, совместные походы в кожно-венерический диспансер...

– Павлу Фельдману это нужно, – отрезал Гергерт, – поскольку, по легенде, он становится вашим сообщником. А вы по каналам Павла Фельдмана ищете покупателя картины «Торжество истины» Питера Брейгеля Старшего. И находите Романа Ватыню. Продаете недорого – скажем, миллионов за тридцать. Но ратуете за безопасность сделки, в полном неведении, куда попадете.

– Прекрасная фантастика, – покачал головой Артем.

– Отнюдь, – ехидно усмехнулся Гергерт, – вспомните обстоятельства, при которых было уничтожено «Торжество истины». Остров в Северном море, отсутствие посторонних. Все, как говорится, свои. Кроме вас и Фельдмана, уцелел лишь один человек из туристической группы, не имеющий отношения к охоте на картину. Он уехал в свой уральский город, и его контакты в ближайшее время будут отслеживаться. Господин Ангерлинк скончался, люди из его группы будут молчать как рыбы. Никто никогда не узнает, кто они такие. Таким образом, события на острове в Северном море предстают в ином свете. Никакого катера с Ангерлинком. Вы, Фельдман с подбитой ногой, парень из уральского города и трупы злодеев. Картина остается при вас, вы прячете ее на побережье, а впоследствии люди Фельдмана забирают ее из тайника и увозят в Швейцарию, – причем используются втемную. По легенде, «Торжество истины» снова у вас, и вы ищете выгодного покупателя. Описать картину сможете. Во избежание недоразумений, в кабинке номер тридцать банка

«Летуаль» в швейцарском городе Мартины – улица Мон-Пегасс, в здании с аналогичным номером тридцать – будет лежать правдоподобная копия работы Брейгеля. Проигнорировать покупку легендарной вещицы Ватяну не сможет. Если выманить его в Швейцарию, тоже неплохо...

– Не верю, – фыркнул Артем, – у вас не было возможности сделать копию с картины.

Гергерт засмеялся – ну в точности демоническим смехом.

– У нас – не было. Но была у людей, к которым попала картина после того, как ее обнаружили в Брюсселе. Работал эксперт, доказавший подлинность шедевра, после него работал опытный копиист. Не будем уточнять, каким путем мы завладели копией. В ней нет ничего демонического, разумеется. Эксперт, а такой у Ватяну неизбежно сыщется, вычислит фальшивку, но это уже наша проблема – как успеть среагировать.

– Отсюда следует вопрос, – сказал Артем, – каким образом вы собираетесь контролировать ситуацию и вытаскивать из задницы своих «внештатных агентов»? Или не собираетесь?

– Собираемся, – деловито кивнул Гергерт, – иначе пропадает смысл операции. Не ваша забота, Артем Олегович. Вопрос решенный. Проблему нужно снять в течение месяца. Неделя на раскачку – пусть полиция свыкнется с мыслью, что в расследовании убийства Оливье Варнера ей не видать прогресса как своих ушей. Потом исчезайте – сочинив, ра-

зумеется, благовидный предлог. Билеты, деньги, прикрытие – об этом можете не волноваться. Вам же хочется вернуться ненадолго в Россию?

– Мечтается, просто сил нет, – съязвил Артем, – баня, водка, гармонь и лосось. Вы уверены, что Павел Фельдман не спустит меня с лестницы? Вы не в курсе, что он собирается стать отцом?

– Бывает, – сухо кивнул Гергерт. – Никто, как говорится, не застрахован. Можете намекнуть своему другу, что имеется шанс стать БОГАТЫМ отцом. С вами свяжутся в Сибири, Артем Олегович. Одних не оставят...

Оставшись в одиночестве, он долгое время тупо созерцал пространство. В ушах звенело. Такое впечатление, что за стенкой пианист в черном фраке и белых штиблетах исполняет траурного Шопена. Потом он спохватился: самое время приготовить зарядное устройство системы «стакан»...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сибирская земля встретила непризнанного художника проливными дождями. Зимы в этот год на исторической родине не было, весна осталась незамеченной (зазеленело еще в апреле), теперь и лето отменялось. Низкие тучи, промозглый ветер, температура чуть выше десяти. Уныло, слякотно. Он тоскливо смотрел, как пробегают за окном такси знакомые дома, рекламные плакаты, люди и собаки жмутся друг к другу под навесами на остановках, грязные иномарки, с ревом проносясь, обливают их водой из луж, наглядно демонстрируя, что свинство водителей прямо пропорционально мощности их автомобилей. Он вышел у Рок-сити на центральном проспекте, купил в ближайшем магазине зонтик, побрел пешком на вокзал, чтобы сдать сумку в камеру хранения. С ним происходило что-то странное: абсолютно не хотелось идти в свою «элитную» квартиру на улице Крылова – как бы многозначительно не гремели ключи в кармане. Скверные воспоминания связаны с квартирой. Страшная коллекция умбара, грабеж среди бела дня с последующей кончиной грабителей, смерть Лики, которая его любила, а он ее нет, и теперь сожалел об этом и страшно раскаивался...

Он бродил по улицам, заглядывал в лица спешащим прохожим, забредал в магазины, которых в центре было, как муравьев в муравейнике, разглядывал хитрозакрученные бан-

саи, люстры из богемского хрусталя, сувениры. Постоял у сигаретного ларька с объявлением: «Ушла на обед. Не вернусь к шести – ушла на ужин». Чисто по приколу проехал пару остановок на троллейбусе, о чем немедленно пожалел – за три квартала у троллейбуса четырежды падали рога, дважды Артема обматерили и намяли бока. «Вывозился в народе», – как писал кто-то из классиков.

– Вы выходите на «Синтетике»? – спросила сжатая со всех сторон синеглазая девушка в трогательном беретике.

– Не знаю, – выдохнул Артем.

– Тогда давайте меняться...

– Чем?

– Местами...

– Какими?

Девушка прыснула, и ему очень захотелось выйти вместе с ней. Он догнал молодую горожанку, когда она задумчиво стояла у лужи, гадая о ее глубине, помог переправиться, представился французским миллионером и предложил, не глядя, пожениться.

– Где вы были два месяца назад, миллионер, – всплеснула руками синеглазка, – когда я выходила замуж?

– Тогда давайте посидим в кафе, – сконфуженно вздохнул Артем, – в феврале месяце, когда я еще не был миллионером, в соседнем здании работало симпатичное заведение, там готовили прекрасный кофе и все ему сопутствующее. Клянусь, я не буду к вам приставать как банный лист.

Она удивленно смотрела Артему в глаза. Как-то неохотно вспомнила, что сегодня ей нужно пораньше прийти домой, чтобы купить продуктов, навести порядок, потому что завтра приезжает муж из командировки, она устала на работе, в офисе было так холодно, проклятое лето, и вообще...

В кафе он узнал, что зовут хорошую девочку Лидой. Но хороша она не только этим. Буквально всем. Они о чем-то говорили, смотрели друг другу в глаза, смущались, пили кофе. Ей не хотелось возвращаться домой. А его пленили ее красивые голубые глаза, овальное бледноватое лицо, изящные завитушки локонов, детская робость, с которой она по-сматривала на посетителей кафе, боясь увидеть знакомых. Все было хрупко, трепетно, нежно. После третьей чашки он согласился с девушкой, что они засиделись в этих стенах, пора и честь знать, вывел ее из кафе, поймал частника, назвал адрес: гостиница «Обь»... В пути он крепко держал ее за руку, она смотрела на него огромными от изумления ангельскими глазами. Потом в гостинице, когда, подпрыгивая от нетерпения, он заказывал лучший в этом гадюшнике номер (да хоть и президентский, разве в деньгах счастье?) – в ее глазах, помимо изумления, появилось что-то другое. Щечки играли румянцем, она, нетерпеливо сглатывала, теребила ремешок. Он начал целовать ее еще в лифте, который волок их на последний этаж. Повисли руки, упала сумочка, обмякла, застонала. А когда закрылась дверь «лучших в гадюшнике» апартаментов, уже и непонятно, кто на кого набросился...

Этот вечер был одним из лучших в его жизни. Номер был вполне пристойным, служба доставки функционировала, «девочек» и «мальчиков» не предлагали. Тоска оставляла захваченные позиции....

Они лежали в постели, соединившись в целое, переходили от слов к телу, от тел к слову, и когда улеглась страсть, не прекращали обниматься, слушали, как барабанит дождь по стеклам, тихо говорили. Он любовался красотой мягко вылепленных форм, плавными линиями молодого женского тела. «Пурисима» – говорили о такой красоте древние испанцы, что означало в переводе «наичистейшая». У нее действительно был муж. Он работал инженером в дорожном центре научно-технической информации, она – типичная офисная мышка. О детях пока не думали. И, наверное, уже не придется...

– Ненавижу тебя, – шептала Лида, обнимая его слабыми ручонками, – откуда ты взялся на мою голову, миллионер проклятый? Так хорошо было в жизни, понятно, привычно, адекватно...

– Со мной уж точно не адекватно, – сокрушенно признавал Артем. И смеялся: – Зато задорно и неоднократно... – впивался в ее припухшие губы, она таяла, растекалась под его напором. Совместными усилиями они увеличивали счет, удлинняли разрыв между нынешним и прошлым...

Она была профаном в живописи и никогда не слышала о художнике по фамилии Белинский, выставки которого позд-

ней осенью гремели по городу. Это импонировало. Она любила классические вальсы, но для изнеженного тяжелым металлом слуха мужа эта музыка была неприемлема, и в доме ее не держали. Она обожала цветы, но у мужа была аллергия на цветочную пыльцу, а равно на кошек, арбузы и ананасы. Она мечтала стать дизайнером, декорировать квартиру по собственному вкусу, но мужу это было абсолютно по фэн-шую, и он терпеть не мог, когда стирают с компьютерного стола его любимую пыль и ликвидируют тщательно продуманный беспорядок. Но все равно, еще несколько часов назад ей искренне казалось, что она любит мужа...

Он повествовал о своей жизни. Коснулся событий последнего года, которые звучали столь же правдоподобно, как обещания правительства и лично президента.

– Ты кто? – смеялась ему на ухо Лида. – Врун, миллионер или сумасшедший? Ты заплатил за номер бешеные деньги, чтобы поваляться в постели с незнакомой женщиной – значит, ты не бедный. Глаза у тебя – не сумасшедшие...

– Я не врун, – шептал Артем. И плел небылицы: о божках африканского племени, о великом Питере Брейгеле, о великом Питере Рубенсе, о мрачной средневековой глыбе под названием Гвадалон (конкретных имен действующих лиц он старался не называть). О черной магии, о мистике, о волшебстве, о том, что сконструировать волшебную палочку, в принципе, возможно, но абсолютно исключено заложить в нее функцию предварительного просмотра содеянного. И

это жалко. Она верила ему лишь в той части, что касалась женщин...

– Я сразу догадалась, что ты обольститель... – грустно шептала Лида, – тебе нужна женщина, в какой бы части света ты ни находился. А когда уезжаешь, ты о ней забываешь.

У тебя есть женщина во Франции. Ты на ней женишься...

– Я никогда не женюсь на иностранке, – пробормотал Артем и думал: «Каким бы ангелом она ни была...»

Они проснулись рано утром. За окном было серо, мутно, хлестал дождь. Великая сибирская река, испещренная бурями, выбрасывала на причал грязные волны. Теплоход с туристами отправлялся в плавание – вверх по течению. Нормальная погода для туризма – если не выходить из кают и точно знать дорогу к буфету.

– Вот и кончилась сказка, – грустно вымолвила Лида, – остаются будни и рана на душе.

– Я еще не уезжаю, – проворчал Артем, – а если уеду, то пропишусь не на Центавре. Мой дом – в этом городе.

– Между нами – бездна, – философски заметила Лида. – Женщинам свойственно все усложнять, разве ты не знаешь? Это подметил еще Достоевский. В ближайшие дни мы не сможем встретиться. Работа, муж. Он приедет через два часа из Томска и до июля никуда не уедет. У меня – работа с восьми до пяти. В начале шестого он за мной прибегает, крепко сжимая в руке мобильник...

– Тюрьма какая-то, – Артем взял ее расстроенное лицо в

ладошки и нежно поцеловал.

– Да ладно, – улыбнулась она, – будем считать, что ты не разбивал моего сердца. Своеобразие переживаемого момента заключается в том, что мне придется вести себя как ни в чем ни бывало. Не знаю, надолго ли меня хватит, но буду стараться. А то как-то странно не успела выйти замуж...

– Я приеду через месяц, – пробормотал Артем, – поговорим серьезно. Обещаю.

– Правда? – изумилась она. – А номер телефона не попросишь?

– Попрошу. Только не вздумай обзаводиться ребеночком.

– А вот это обещаю, – она перестала иронизировать, – как ни бодрись, а сердце ты мое разбил. Вдребезги. Какие уж тут ребеночки. Буду ждать, Артем, звони в любое рабочее время. Впрочем, и в любое нерабочее, – она махнула рукой, – все равно не позвонишь. Ой, слушай, время-то идет... – она взглянула на часы и украдкой смахнула слезу. – Побегу я, можно?...

Он остался один. Лежал, забросив руки за голову, смотрел, как замерзшая муха на люстре покрывается пылью. Напевал под нос: «Наша с ней основная задача – незастуканными быть на месте...»

В конторе Фельдмана зазвенел телефон, трубку сняли. Хозяин кабинета строго сказал:

– Детективное агентство «Арчи Гудвин». Вас внимательно слушают.

– Тьфу ты, – очнулся Артем, – совсем забыл, что нужно говорить в трубку.

– Кто это? – посуровел Павел.

– Да вот, решил номером ошибиться.

– Ах, мать честная, – ахнул Павел, – какой-то голос у тебя...

– А я подумал, что ты уже не ходишь на работу. Типа, там, в декрете...

– Не походишь, пожалуй, с этими российскими женами, – возмутился Фельдман, – Эльвира точно на третьем месяце. На ближайшие шесть и последующие месяцы у нее обширные наполеоновские планы. В нашем доме снова острая нехватка. А ты специально звонишь из Франции, чтобы...

– Я в гостинице «Обь», – перебил Артем. Фельдман при- свистнул.

– В качестве интуриста, или... сам еще не понял?

– Еще не понял, – ухмыльнулся Артем, – только не спрашивай, почему я не пошел в свою квартиру. Просто не хочу.

– Дело хозяйское, – согласился Павел, – я даже не буду спрашивать, почему ты приехал в эту страну. Или стоит спросить?

– Сам объясню. В семь часов вечера будь дома. Пожалуй- ста.

Он выключил телефон и вновь уставился на пыльную му- ху.

– Безобразие, – процедил Фельдман, бросая за микроволновку пульт от телевизора, – чем больше каналов, тем больше нечего смотреть. Прокладки, прапорщик Шматко, телепузики из Госдумы... Нервный я стал, Артем. Непокойный, неуравновешенный...

– Держи, – начал Артем выставлять из пакета приобретения, – это от усталости, это от нервного напряжения, это от депрессии...

– А кроме водки, доктор, у вас ничего нет? – ухмыльнулся Павел. Он как раз сидел перед тарелкой с дымящейся картошкой и яйцевидными куриными пупочками и сам понимал, что на столе чего-то не хватает.

– Есть, – кивнул Артем, извлекая последнее, – коньяк «Камю». Для непьющих.

– Накладывай себе, – снисходительно разрешил Павел, показав вилкой на кастрюлю и сковородку, – извлекай огурчики из шайтан-сундука, – вилка ткнулась в холодильник, – открывай, наливай, говори, чего приехал.

– Уж не с добрыми новостями. Павел помрачнел.

– Я так и думал. За последний год я трижды извлекал тебя из дерьма, теряя при этом то ногу, то голову, то веру в прогрессивное человечество. Да, я получал немного денег за свои старания, но, увы, – Павел удрученно развел руками, – денег больше нет. Такое ощущение, словно их и не было. Приходится работать... Ты что-то говорил про плохие новости?

– Успеем, – проснулся волчий аппетит, Артем замолотил вилкой. Минимальный перерыв между первой и второй, третья, четвертая...

– А неплохо, в принципе, сидим, – восхитился Павел, – если не думать о грядущих неприятностях, безденежье и твоём подозрительном приезде. Откупоривай вторую.

В коридоре раздалось подозрительное шарканье, отворилась дверь и появилась Эльвира с работы – привлекательная русоволосая женщина с внимательными, недобро блестящими глазами. Если верить Фельдману, у Эльвиры было множество достоинств и недостатков, а среди последних преваляровала полная НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ.

– Какой пейзаж, – умиленно проворковала Эльвира, – соединились два любящих сердца. Привет французам.

«Привет евреям», – хотел сказать Артем, но как-то постеснялся.

– «Пейзаж не удался» – вздохнул Малевич, берясь за черную краску, – пробормотал Павел и взялся за «Камю». – Выпьешь с нами, дорогая? Ах, прости, все время забываю, что тебе нельзя...

– А что, в этом доме кто не пьет, тот не ест? – Эльвира извлекла из принесенного пакета банку с маринованными грибами и водрузила посреди стола.

– На соленькое растащило, – подмигнул Фельдман. – С чего, интересно?

– Отлично выглядишь, Эльвира, – спохватился Артем. –

Нет, серьезно.

– Ожидал худшего, – хохотнул Фельдман.

– Кстати, твоему суженому полагается премия, которую я не успел выплатить в прошлом месяце, – Артем полез в карман, извлек пухлый конверт и, галантно поклонившись, отдал Эльвире. Женщина задумалась. В рамки предполагаемой линии поведения данное событие как-то не укладывалось.

– Отлично, – возрадовался Павел, – тащи, Эльвира, своего фарфорового хрюнчика.

– Бери, Эльвира, – сказал Артем, – и ни в чем себе не отказывай.

Эльвира робко взяла конверт, посмотрела в него с опаской, как сапер на мину, вытянула пачку европейских бумажек, стала пересчитывать. На середине пачки ее лицо принялось меняться, стало двухцветным, она неровно задышала.

– Сейчас мы узнаем, возможен ли у женщины оргазм при пересчете денег, – подмигнул Фельдман.

– Что это, Артем? – севшим голосом спросила Эльвира.

– Премия твоего суженого.

– Но здесь пять тысяч евро...

– Ни фигаро себе, – присвистнул Фельдман, – ты ничего не перепутал?

– Может, они фальшивые? – с надеждой спросила Эльвира.

– Нет, – вздохнул Артем, – деньги настоящие. Ребята, кончайте париться. Не нравится слово «премия», назовите ина-

че. Подарок, например, вашему будущему карапузику.

– А ты уверен, что это не те деньги, которые ты хочешь предложить Павлу за свою новую авантюру? – настаивала Эльвира. – Уж больно загадочно выглядишь, Артем. Словно извиняешься за грядущую гадость.

– Нет, Эльвира, – скорбно вымолвил Артем, – за грядущую гадость Павел будет получать по другой ведомости. Сумма – на порядок выше...

Эльвира не стала докучать своим присутствием. Выпила чай, пошла спать. «Надоели гости дорогие», – подмигнул Павел.

– Ты же не собираешься предложить моему мужу прогулку в пасть Дьявола? – спросила она, прежде чем закрыть дверь.

Артем отделался глупой улыбочкой. Павел наполнил емкости, покосился на закрывшуюся дверь и пытливо посмотрел другу в глаза.

– Так как насчет пасти Дьявола?

– Дьявол будет, – успокоил Артем, – самый настоящий Дьявол – с рогами, копытами, серным дыханием – тот самый Дьявол, которого описал папа Григорий Великий в шестом веке. А также сорок пять миллионов демонов, подсчитанных демонологом Вейером в шестнадцатом.

– Ясно, – вздохнул Павел, – ты подготовился к встрече, проштудировал специальную литературу. Излагай, Артем.

Он слушал угрюмо, не перебивая. В неприятных местах хватался за бутылку, плескал в рюмку, жадно выпивал, запрокинув голову. Потом долго молчал, шаря взглядом по столу. Видимо, подыскивал, чем бы запустить в приятеля.

– Заметь, – сказал Артем, – в отличие от событий минувших дней, я не прошу у тебя помощи. Тебя выбрали без моего участия. Я, ей-богу, не знал об их планах.

Павел молчал. Лицо приятеля покрывалось землистой коркой. Он сбросил оцепенение, покрутил головой, воткнул вилку наугад в маринованные опята, зацепил кроху.

– Невероятно, Артем. Признайся, какая же крыша не любит быстрой езды?

Павел лихорадочно зачавкал.

– Они не отцепятся, – тихо сказал Артем, – в третий раз они пытаются поставить равенство между мной и своей влиятельной организацией. Бред. Уравнение ненормального вида – есть такое понятие в математике.

– Нет такого понятия, – фыркнул Павел, – есть понятие: привести уравнение к нормальному виду. А понятия «уравнение ненормального вида» нет. Ты кто, Артем? Псих или совесть нации?

Артем молчал, уткнувшись в тарелку. Да и Павел сообразил: слова бесполезны. Оба на крючке. Не стоит выяснять отношения.

– Женька Гурвич... – забормотал Павел, – Евгений Александрович... Жив, значит, курилка. Ну что ж, у этого парня

с моральными принципами всегда было хреновато...

– Но тип, судя по всему, серьезный.

– Да, – согласился Фельдман, – если Женька брался за дело, то делал его ответственно и всегда доводил до конца. Было в нем что-то притягательное и отталкивающее одновременно... – Павел задумался. – Тяга к порядку, стремление подчинять... Он блестяще учился в университете, распределился бухгалтером в какую-то мутную заштатную лавочку – то ли на карьер, то ли на щебеночный завод, но через год бросил работу, объявился в Н-ске, предложил совместное дело. Мол, «Глория» по-русски значит «слава», все такое. Замутил дела с криминальными элементами, обзавелся связями в городском руководстве. Несколько раз мы с ним совершали поездки за границу. Кстати, половина всех моих связей за бугром – это результат совместных дел с Гурвичем. В один прекрасный день он заявился, загадочный как сфинкс, сказал, что получил от иностранного партнера предложение, от которого невозможно отказаться, щедро подарил мне свою долю в агентстве «Глория» и смылся. По пятам пришли чекисты, настойчиво интересовались местонахождением Гурвича, но помочь я им ничем не мог. Извернулся, чтобы и меня не зацепили, вроде пронесло. С той поры от Гурвича ни слуху, ни духу. Я и не стремился продолжать знакомство. Обозвал контору «Арчи Гудвин», выгнал ставленников Женьки, принял Федора, Изабеллу...

– И нет зацепок, чтобы связаться с Гурвичем?

– Почему же нет? – Фельдман невесело рассмеялся. – При желании я смогу зацепиться даже за Бен Ладена. Но до сегодняшнего дня, сам понимаешь, желания не было. Да, собственно, и сейчас нет.

– От нас не отстанут, – напомнил Артем, – это к вопросу прогулки в пасть Дьявола...

Он мог не сомневаться – канал доставки сообщения работает в самое ближайшее время. Он ушел от Павла незадолго до полуночи. Стоял на пустой остановке под проливным дождем, недоумевая, откуда в небе столько влаги и чем провинилась в этом году Сибирь перед небесными силами. Ни людей, ни транспорта. Медленно проехало такси с шашечками. Остановилось, сдало назад, вылупилась физиономия.

– Скучаешь, командир? Куда ехать? Артем молчал, утонув в невеселых раздумьях.

– Понятно, – вздохнул ночной таксист, – вакуум между ушами. Ох уж мне эти безденежные...

Взревел мотор, он укатил в ночь, разбрызгав глубокую лужу. Артем побрел по тротуару, раскрыв над головой зонт. Добрался до центральной площади, украшенной монументальным вождем пролетариата и его обманутыми вкладчиками – рабочим, солдатом, матросом. Из центрального кабака, полвека носящего одноименное гордое название «ЦК», вывалили в дождь загулявшие граждане. Надрывалась какая-то визгуха, ржали мужчины. Он запоздало начал их обруливать.

– Белинский? – хрипло вымолвил кто-то. – Артем?

Грузный мужчина, норовя выколоть глаз зонтом, уже заглядывал ему в лицо, дышал перегаром. Некий Добровольский – бездарный художник-пейзажист. Год назад с трибуны местного Союза художников поливал Артема грязью (хотя тот ни на что не претендовал и плевать хотел на весь союз и каждого его представителя). Когда Фортуна повернулась лицом и скромный художник сделался востребован, живо стал набиваться в друзья. «По морде, что ли, съездить? – лениво подумал Артем. – Хотя нельзя, вон их сколько».

– Белинский? – доставал его старый знакомый. – Это ты или это не ты?

– Вы обознались, – он поднял воротник, прикрылся зонтом, двинулся своей дорогой.

– Как это обознался? – возмутился Добровольский. – Артем, ты что? Откуда? Инкогнито из Петербурга?

Он удалялся, сжав зубы. Придется в рожу, если будет приставать. И плевать, что Артем в низшей весовой категории. Но уже заводился минивэн у обочины, прибывший за богемой, кто-то, хохоча, призывал Добровольского не приставать к прохожим.

– Рассаживаемся, рассаживаемся, – бархатно гудел еще один бездарь, – работаем бедрышками, дамы, работаем...

Артем ускорился, пересек вокзальную магистраль, чуть не утонув в грязи. Правильно говорят, что у российских дорог только два состояния: до дождя они пыльные, после до-

дядя они грязные. Веселый город – родной сибирский мегаполис! Из подворотни высунулось существо среднего пола, поманило пальчиком. Он показал существу кулак, пошел дальше. Оглянулся на всякий случай. Погони не было. В переулке за Домом быта два наркомана сосредоточенно и как-то вдумчиво лупили третьего, не обращая внимания на дождь. Артем прошел мимо, потом вернулся – один из нариков как раз поднял увесистый камень и приступил к долбежке черепа поверженного врага. Увидев постороннего, отбросил камень, поднялся.

– Что, друзья, время разбрасывать камни? – добродушно спросил Артем.

– Нет, дядя, время собирать зубы! – заорал второй недоумок и бросился в атаку. Он схватил его за воротник, отбросил при помощи пятки. А когда наркоманы сплотили ряды и пошли в психическую, он просто стукнул их лбами, отшвырнул в разные стороны. Повернулся, чтобы помочь подняться третьему, но того и след простыл. Ни «спасибо», ни «до свидания». Он пожал плечами, решил добавить первым двум, повернул голову, но и те куда-то пропали. Пустой переулок, зарешеченные окна какого-то офиса, огонек в окне – сторож несет службу. Сюр какой-то...

Он закурил. Скрипнув тормозами, на проспекте напротив переулка остановилась патрульная машина. В окне образовались две скучающие физиономии. «Ну все, – загрустил Артем, – пришла беда – вынимай паспорта». Но дураками

эти двое точно не были. Не каждый милиционер по долгу службы выйдет в дождь из сухой машины. Машина постояла, завелась, покатила дальше, разгребая лужи. Он тоже побрел, напевая: «Иду по зеркальному мосту, по ночному городку...»

Вскоре он стоял у своего элитного дома на улице Крылова и с неприязнью разглядывал окна последнего этажа. Не поверят же – был в родном городе и не побывал в родном доме. Вынул ключи, приложил «таблетку» к положенному месту на двери с домофоном. Оглянулся, появилось неприятное чувство, будто в затылок ему пристально смотрят.

Никого во дворе. Свет в городе давным-давно погас. Мокрые кусты, пустые детские грибочки, машины с мигающей сигнализацией. Он толкнул дверь...

В квартире – полный беспорядок. Все как три месяца назад, когда он решил временно переселиться во Францию. Пыль пушистым ковром. На стенах картины собственного изготовления. Он постоял у «Царицы амазонок», вспомнил, как рисовал ее сначала с Лики, потом вымывал краску с лица «царицы», выписывал черты Кристи Зиверс, а когда не стало Лики, пьяный, давясь слезами, удалял с полотна Крису и вновь придавал обнаженной девице сходство с Ликой Погосян, которая погибла по его мудрости...

Он рухнул на диван не раздеваясь, закрыл глаза. Какого дьявола он сюда притащился? Шел бы в гостиницу, избавил бы себя от тягостных воспоминаний. Он вскочил, от-

правился на кухню варить кофе. Раковина доверху набита заплесневелой посудой. Вот это да! Неужели не вымыл перед Францией? Или все в порядке? Он где-то слышал, что стопка немытой посуды в раковине холостяка – величина постоянная, ограниченная высотой крана. Уселся за стол с дымящейся чашкой, извлек сотовый, нашел в телефонной книге номер хорошей девушки Лиды, угрюмо таращился на вереницу цифр – словно выискивал в них что-то магическое, потаенное, закодированное. Лида спит в клешнях мужа, не самое подходящее время для звонков. Сказать, что ошибся номером? Объясниться в одиночестве?... Он машинально надавил на «вызов», тупо смотрел, как побежала по экрану волнистая полоса, спохватился, сыграл «отбой»...

Резкий звонок заставил вскочить с табуретки. Он едва не вылил на себя кофе, завертел головой, вспоминая, где находится и что означает эта певчая трель...

Второй звонок – уж точно не померещилось. Сердце забилось. Он пошел к двери. Завьюжило в голове. Мысли завертелись, и самая важная – спросить, кого несет в столь поздний час, – не стала доминантой. Как в анекдоте про Штирлица – все равно выкрутятся. Раз звонят, значит, знают, что он откроет. Все равно не уйти от судьбы... Он распахнул дверь.

Человек за порогом доброжелательно улыбнулся.

– Здравствуйте.

– Здра... – начал Артем, и вдруг все завертелось с бешеной скоростью. Боли не было. Только карусель – ослики, ло-

шадки, зебры. Прислонился к косяку, сполз, а как добрался до пола, уже и не помнил...

Он проснулся в восемь утра в своем гостиничном номере на последнем этаже. Тикали часы на стене. Шторы задернуты, но не совсем, видно, как курсируют по небу небесные странники, мелкий дождик стучит по карнизу. Состояние именно такое, какое должно быть после пробуждения. Что было? Он вскочил, взъерошенный, уселся на кровати. Раздет, в трусах, одежда сложена на стуле (слишком аккуратно, сам он никогда так не делает), в номере – пусто. Он вскочил, побежал в прихожую – куртка на вешалке. Захлопал дверьми – ванная, клозет. Перетряс карманы. Деньги, документы, сотовый – все в наличии. Что за аттракционы, граждане?

Он уставился на свое отражение в зеркале. Живой, невредимый, поджилки трясутся, глаза бегают, вид диковатый, перекосенный. Видно, зеркало кривое. Он уселся на кровати, обхватил голову. Начал вспоминать. Что же было вчера? Он открыл дверь. Но не в гостинице «Обь», а в своей квартире на улице Крылова! За порогом стоял человек. Какой из себя? Не успел рассмотреть. Только улыбка – большая, добродушная, во все ворота. Чеширская какая-то улыбка. И все – сознание пошло гулять. Гипноз? Укол? Ну подумаешь, укол...

Он застонал, взялся добывать огонь из черепа. А в чем здесь здравый смысл? Не убили, не отравили, не ограбили. На акцию устрашения не похоже...

В дверь негромко постучали. Он вскинул голову, окончательно замороченный. Ошиблись номером? Персонал? Соседи? «Здравствуйте, от вас можно позвонить? – Звони, сын мой, только аккуратнее с колоколом». Да черта с два это посторонний? Сейчас он все узнает. Горя негодованием, как был, в зеленых труселях, он бросился к двери, распахнул.

Лида отпрянула, с изумлением уставилась на его зеленые трусы. Она прекрасно выглядела – изящная кофточка, бархатный беретик, непослушный локон поперек лба. А он не сразу понял, что происходит – стоял, тяжело дыша, поедая ее глазами, не мог сказать доброго слова.

– Это ты...

– О святые, – сказала Лида, – я знаю, что ты отличаешься страстностью натуры, но чтобы вот так... Ты не один, Артем?

– Один...

– А в чем дело? – она хотела казаться ироничной, но стала грустной. – Я для тебя уже пройденный материал?

– Конечно, нет, – возмутился он.

И чуть не рассмеялся. Эта девушка в тоске и меланхолии была вылитой святой Инессой со знаменитого полотна Рибера. Юная девушка-христианка не желала поклоняться языческим богам, и злобные язычники выставили ее обнаженной перед толпой. Но свершилось чудо: волосы Инессы внезапно отросли до пят, а сверху спустился ангел и набросил на нее покрывало. Его всегда занимал вопрос: а что же дальше стали делать язычники? В страхе разбежались? А Инесса

куда пошла?

– Тогда объясни, – она пожала плечами, – энцефалит я тоже не переношу. Ты удивлен, что я приехала? Прости, но это трудно объяснить... Не могла уснуть полночи. Вадим подумал, что я ушла на работу. А я позвонила, отпросилась на два часа...

Какой же он тугодум! Схватил ее за руку, затащил в номер, осыпая поцелуями.

– Прости, милая, все в порядке. Просто я сегодня слегка унесенный здравым смыслом. Болею. Выпил я вчера, понимаешь?

Она шутливо отбивалась, мурлыкала, что все понимает, что ему сегодня требуется сиделка, а лучше лежалка...

– Я женщина на час, – бормотала она, – на работу потом пойду, некогда мне. Делай со мной что хочешь, Артем...

Ураган кружил, и все плохое уносилось к чертям собачьим. Час пролетел как минута. Она оделась, ушла, унося с собой все хорошее, доброе, беспечное, а он остался, пошатываясь, добрался до ванной комнаты, погрузился с головой в горячую воду...

Когда он вернулся в номер, сотовый телефон раскалился и бился в припадке. Голос Павла вибрировал, но явно не из-за помех на линии.

– Какого черта! – орал Павел. – Где тебя носит, иностранец паршивый?! Ты в порядке, Артем?

– Зачем орать? – удивился Артем. – Говори спокойно, я

прекрасно тебя слышу. И запомни на будущее, есть такие места, куда люди не носят сотовые телефоны.

– Нет таких мест, – подумав, заявил Фельдман. – Но ладно. С тобой не происходило сегодня ничего необычного?

События принимали занимательный оборот. Павел выслушал историю Артема, поделился своей. В начале восьмого он покинул свой семейный очаг, дабы бежать на любимую работу. Лифт был занят террористами, он отправился по лестнице пешком. Между третьим и вторым этажами кто-то выступил из ниши. Приметы человека в голове не осели. Слова, произнесенные любезным тоном, закружилась голова, беспамятство... Он был беспомощен, как после двух поллитра. Его вели по лестнице, поддерживали, чтобы не упал. Полный провал... и очнулся за рулем собственной машины, припаркованной у тротуара напротив детективного агентства «Арчи Гудвин»! Состояние – нормальное, не считая скребущих кошек на душе. На часах начало одиннадцатого, то есть с момента ухода из дома пролетело порядка трех часов. Вещи и деньги на месте. Его любезно доставили до работы. Как это мило с их стороны. Придя в себя, он бросился в кабинет, заперся, начал мыслить. Но ни одной порядочной идеи родить не удалось. Единственное, что напрашивалось – связь события с личностью Артема Белинского, будь он трижды проклят...

– На предупреждение не похоже, – сокрушался Павел. – Может, ты мне что-нибудь объяснишь?

– Не надейся, – огрызался Артем, – сам теряюсь в догадках. Но стоит ли паниковать раньше времени? Ты что-нибудь делал по нашему делу?

– Да! – заорал Павел. Пришлось отодвигать трубку и прочищать ухо. Он скомкал беседу, сунул телефон под подушку, задумался. С одной стороны, жизнь не прощает ошибок. С другой, если это так, то как бы он дожил до своего возраста?

Приведя себя в порядок, он спустился в холл, зашагал к стойке портье. Здесь выстроилась целая очередь из желающих вселиться. Орал, разбрызгивая слезы, какой-то капризный карапуз, рвался с «привязи», топал ножками. Люди, от нечего делать, занимались успокоением подрастающего поколения.

– Почему орет ваш ребенок, мамаша? Чего он хочет? – вопрошал благообразный старичок с клетчатым чемоданом.

– Он хочет орать, – объясняла, разводя руками, мамаша. Люди смеялись.

Портье сменился час назад. Администратор ночью не работал. Он подошел к охраннику, который курил под кондиционером и с опаской поглядывал на приближающегося постояльца.

– Рассказывай, приятель, – он произвел из кармана уголок купюры в пятьдесят евро, – видел ты меня сегодня ночью?

Охранник задумался, из чего явствовало, что постояльца он сегодня ночью видел.

– Только не говори, что тебе дали сто евро за молчание, –

предупредил Артем.

– Вас привели примерно в три часа ночи, – буркнул охранник, – у вас подкашивались ноги, вас вели под руки двое молодых парней. Они представились вашими приятелями, сказали, что вы немного перебрали, повезли вас наверх...

– Какие из себя эти парни? – перебил Артем.

Охранник задумался, потом пожал плечами.

– Никакие...

– Понятно, – вздохнул Артем, – спасибо, друг, ты очень наблюдателен, – расстался с купюрой и побрел к лифту.

– Послушайте, – окликнул его страж, – а вы не похожи на человека, страдающего тяжелым похмельем.

– Хоть это заметил, – проворчал Артем.

Сон сморил – ему и впрямь что-то ввели в организм. Он проснулся вечером, от дребезжащего телефонного звонка местной линии. Вкрадчивый мужской голос осведомился, не желает ли постоялец развлечься на сон грядущий. К услугам иногородних граждан имеются напитки, закуска, девочки, мальчики...

– Спасибо, я зоофил, – пробормотал Артем и вырвал из розетки провод. Рухнул, глухо рыча, в кровать.

Разбудил его Фельдман – на рассвете, едва вошло солнышко над трубами заводов и фабрик Октябрьского района. Как-то не верилось, что просто так пролетели сутки.

– Практически не спал, – разодрал эфир хриловатый баритон приятеля. – Объясни. Тот, кто рано встает, – это жа-

воронок. Тот, кто поздно ложится, – сова. А тот, кто поздно ложится и рано встает?

– Чокнутая птица, – объяснил Артем. – А иначе ты не смог бы носить домой деньги мешками.

– Деньги тут не при чем, – разозлился Фельдман, – хреново на душе, Артем. Не люблю, когда мной распоряжаются по собственному усмотрению. Вчера допрашивал дворников и соседей. Они видели, как меня под белы ручки вели из подъезда, посадили в мою же тачку и куда-то повезли. Я вроде улыбался, поэтому милицию вызывать не стали. Чудеса, да?

– Аналогичная история, – сказал Артем. – Но давай не будем это никак классифицировать. Просто подождем.

Ждать пришлось сутки. Он только раз покинул номер. Добрался короткими перебежками до ресторана, смолотил бизнес-ланч, попросил завернуть аналогичный. Никто не звонил – ни Фельдман, ни Лида. Звонок раздался ровно в полдень – когда он стоял на балконе, угрюмо рассматривал реку и думал горькую думу.

– Артем Олегович Белинский? – поинтересовался ломкий, как хворостина, мужской голос.

– Вроде того, – отозвался Артем.

– Вы не передумали продавать полотно?

Сердце бешено забилося. Все, пасьянс сошелся. Он обуздал барабанную дробь под костью грудины. Рано или поздно это должно было произойти.

– Я не передумал, уважаемый, но...

– Ночной клуб «Бродячая собака». Угол Ватутина и Новогодней. Будьте там после десяти часов вечера. И постарайтесь... – собеседник помедлил, – чтобы за вами никто не увязался.

– А кто за мной увяжется? – оторопел Артем. – Хорошо, я постараюсь. Но и вам, видимо, ничто не мешает постараться.

– Мы тоже постараемся, – уверил абонент и повесил трубку.

Клуб «Бродячая собака» сотрясался от ужасов хип-хопа. Артем поморщился. Потыкать бы этих певунов мордой в то, что они поют... Все происходящее в окрестностях танцпола совершенно не усваивалось организмом. Неужели он так сильно постарел? Огромный зал, разбитый на танцевальную площадку, бар, сцену для стриптиза, какие-то закутки, погружался в полумрак, разрезаемый трассирующими лентами осветительных приборов. Огни чередовались, смешивались, плелись узорами. Танцпол окутывали клубы азота. Газ подавался из невидимых форсунок в полу, растекался по ногам танцующих, вился, не поднимаясь выше пояса. Толпа подпрыгивала под барабанный бой...

Он был не в той возрастной категории. Впрочем, за столиками в глубине зала сидели пары не только подросткового возраста. Тогда все нормально. «Можно таблетку долбануть, – насмешливо подумал Артем, – в одном из закутков наверняка отоварюсь».

Он пробился к бару мимо столиков и беснующихся на танцполе, нашел свободное место у стойки. Танцующей походкой подвалил бармен – мужчина полностью эклектичный: худой как щепка, с тонкими ножками, но снабженный увесистым брюшком. С огромным лбом мыслителя и весь увитый косичками-дредами.

– Расслабляемся, уважаемый? – подмигнул он Артему. – Выдалась минутка забвения?

– Да уж, – согласился Артем, – в жизни всегда есть место ночному клубу. Смешай чего-нибудь, приятель – но чтобы не сильно по башне било.

– Понятно, – подмигнул бармен, – будем держать ситуацию под контролем.

Спустя минуту он уже сидел спиной к стойке, потягивал что-то невообразимое, приторно-горькое, сладко-перечное, имеющее цвет агрессивно рекламируемой по телевизору автомобильной полусинтетики и странный вкус. Дождались эпохи продуктов-мутантов. Виски-сода, джин-тоник, колбасный сыр...

Посторонних в заведении не замечали – чай, не сельский клуб. Хиппи, панки, готы, растаманы, обычная молодежь – как-то причудливо все переплеталось и гармонично дополняло друг друга. Слева любезничали двое гомосексуалистов, справа лесбиянки в коротких кожаных юбочках занимались предварительными ласками. Артемом никто не интересовался, хотя время подходило к одиннадцати.

Лесбиянки разогреблись, дошли до нужной кондиции, но, будучи девицами воспитанными, не стали развлекать публику картинками порнографического содержания, быстренько убежали в кулуары. На вакантное место плюхнулась гибкая особа с короткой, как у пацана, стрижкой. Взгромоздила худые ноги на перекладину и пристально воззрилась на Артема.

– Надо же, какой симпатичный мужчина... – быстро посмотрела по сторонам и подъехала вместе с табуретом. – Ты чьих будешь, парень?

– Проходил мимо, – улыбнулся Артем. – А ты?

– А я Аня, – простодушно отозвалась девица, – топлесс-менеджер этого славного заведения. Специалист по росту продаж.

– Какой... менеджер? – Артем рассмеялся, и девица вслед за ним. – А чего такая одетая?

– А это временно, – объяснила Аня и подъехала еще ближе. – Нравишься ты мне, парень. Ты не такой, как все тут. Ох, надоели мне эти завсегдатаи... Поможем друг другу?

– Чем? – включил дурака Артем.

– Телом, – объяснила «менеджер», – хочу с тобой поглубже познакомиться, – и захохотала как ненормальная.

– Прости, – Артем подался назад, – но я тут человека жду. Давай попозже?

– Не хочешь, – сокрушенно вздохнула девица, – вроде не педик. И импотенты сюда не ходят. А-а, понимаю – по при-

чине отсутствия свободных средств? Так ты не парься. Посмотри, какая кожа у меня бархатная, – она кокетливо замурлыкала и обнажила кусочек загорелого не по сезону плеча.

«При чем тут бархат? – подумал Артем. – Бархат – это такая мелкая шерсть».

Девушка наклонилась совсем близко, зазывно блестя глазки, острый язычок многозначительно облизывал губки, убедительно намекая, что он может довести не только до Киева. А уж какую легкость скольжения обеспечивает...

– Ладно, засмутился весь. Расслабься, я пошутила, – девушка сменила тон и поднялась. – Следуй за мной, мужчина. Тебя ждут.

И он пошел за ней в кулуары – подальше от назойливого барабанного боя и наркотического дурмана.

В помещении за семью дверями сидели двое – крепкие, основательные, обоим сильно за тридцать. Светловолосый вальяжно развалился в кресле, постукивал пальцами по коленке. Ни перстней, ни наколок, серьезный, сосредоточенный субъект. Правильные черты, волевой подбородок, серые глаза. Костюм из дорогого магазина. Брюнет казался помассивнее, мешки под глазами, говорящие о нездоровых почках, челюсть выдвинута вперед, нижняя губа выставлена дальше передней, костюм из дешевого магазина. На столике перед господами стоял квадратный граненый сосуд, две хрустальные стопки, заполненные на треть золотистой жидкостью.

Артем опасливо осмотрелся. Комнатка маловместительная, интимное освещение, у дальней стены бархатная ширма – вероятно, запасной выход. Два кресла, и те заняты. Судя по количеству стопок, выпить ему здесь не предложат.

– Спасибо, Анята, – сказал блондин мягким доверительным голосом, – если хочешь, можешь остаться.

– Я останусь, – криво усмехнулась девица. Артем покопился в ее сторону. Не такая уж она и «топлесс-менеджер». Лицо женщины сделалось каменным. Обрисовались морщинки у глаз, говорящие о проблемном возрасте. Она скрестила руки на груди, прислонилась к двери, которую ранее заперла на замок. Никто из мужчин не предложил ей место – вероятно, в этом не было ничего необычного.

– Артем Белинский? – для порядка уточнил брюнет. Сухой ломающийся голос – именно его слышал Артем в телефонной трубке.

Артем кивнул.

– Позвольте документы, – попросил блондин.

Он извлек оба паспорта – родной и заграничный, водительское удостоверение. Подумав, присовокупил военный билет и медицинское страховое свидетельство, просроченное еще в позапрошлом году.

– Юморист, – неодобрительно произнес брюнет.

Блондин промолчал. Просмотрел бумаги, вернул Артему, уставился на него ясным взором. Не любил Артем таких лучистых глаз. Арийские глаза, недобрые. Но акцент в речи

блондина не прослушивался.

– Итак, почему вы обратились именно к нам?

– Я вас впервые вижу, – проворчал Артем.

– Перестаньте, – поморщился блондин, – вы попали именно туда, куда напрашивались. Доказательства приводить не будем – это утомительно. Итак, почему вы обратились именно к нам?

– Ошибочка, уважаемый, – не сдавался Артем, – у меня имеется товар на продажу, и кому его сбавить, мне безразлично, лишь бы предложили достойную цену. Некто Павел Фельдман – полагаю, это имя вам знакомо – предложил найти покупателя по своим старым связям. А уж кого он нашел на мою голову...

– Пока складно, – перехватил эстафету брюнет, – но не убеждает, любезный. О вас навели справки. Вы не испытываете крайнюю нужду. Полгода назад вы слыли в этом городе модным художником, могли бы получать неплохие деньги. Но вам повезло еще больше, вам на голову свалилась дорогая недвижимость во Франции. Только стоимость картин в вашей галерее... – брюнет взял многозначительную паузу.

Артем похолодел. Если вскрыется, каким образом досталась Артему недвижимость и с кем конкретно он имел дело... Но ведь не идиоты работают в организации покойного Ангерлинка! Информация о «продавце» по нужным каналам должна была пройти такая, что не подкопаешься...

– Я не собираюсь продавать замок и картинную галерею, –

пробормотал Артем, – деньги нужны отнюдь не для обустройства быта. Надеюсь, мы не станем обсуждать, зачем человеку деньги?

– А сколько, кстати, вы хотите? – вскинул глаза блондин.

– Вы даже не спросили, что у меня есть, – улыбнулся Артем. – Впрочем, вы и так знаете. Миллионов тридцать – согласитесь, отнюдь не заоблачная цена для такой вещицы.

Блондин пытливо поедал его глазами. Он чувствовал подвох, но пока не понимал его природы. Безусловно, об Артеме наводили справки. Но нет информации в «открытых источниках», что он работает на тайное европейское судилище. Коллекция умбара, замок в окрестностях Шантуа – последствия склонности к авантюризму и патологическое везенье, при чем здесь организация, изживающая сатанистов?

Но он уже погружался в трясину, он барахтался в ней по горло и с каждой минутой увязал глубже...

– Как попала к вам вещица? – спросил блондин.

– Случайно, – откликнулся Артем, – кристальная правда, господа. Ее нашли в подвале заброшенного дома в Брюсселе. Контрабанду взялся переправить в Россию некто Самарин Виктор Павлович. Место встречи посредника и контрабандиста – художественная галерея на Калверстраат. Передать картину должен был хозяин галереи Александр Цапнер. Но слишком много конкурентов сошлось в драке. Цапнер и Самарин погибли, а также многие другие люди... Павел Фельдман помог мне вывезти картину в безопасное место и спря-

тал по своим каналам в швейцарском банке. Надеюсь, вас не интересуют подробности, господа?

– Опишите картину, – попросил брюнет.

Артем описал. У него была прекрасная зрительная память. Участники «совещания» переглянулись. Очко в пользу Артема...

– Творение Питера Брейгеля Старшего наделено огромной магической силой, – добавил Артем. – Это не просто слова. Сам чувствовал. Я пережил потрясение, которое... мог бы и не пережить. Картина способна разрушить психику... и не только психику. Но, думаю, в стальном банковском сейфе она никак не повлияет... на окружающих.

Несколько минут в замкнутом помещении царило безмолвие. Затылок разрывался от тяжелого взгляда девицы.

– Ну что, Анюта? – обратился к ней блондин. – Имеет твоя хваленая женская интуиция что-то сообщить об этом выскочке? Как он тебе?

Девица неопределенно пожала плечами.

– Мутный парень, сказать нечего. Он испуган...

– Это хорошо, – сообщил в пространство брюнет, – стоит показать его боссу. Что мы теряем? Швейцария не убежит.

– Проверить на полиграфе? – предложила девица. Засмеялись все, даже девица. Нехороший был смех. Совсем не тот, что предполагает радость, хорошее настроение и добродушное отношение к людям.

– Павел, проявись! – громко сказал блондин.

Скрипнула невидимая дверь за бархатной портьерой. Отогнулась ткань, и в комнату вошел... Павел Фельдман. Он был насуплен, бледен, но держался спокойно. Их взгляды столкнулись. Артем облизал пересохшие губы. Фельдман развел руками.

– Понятно, – с натугой ухмыльнулся Артем, – тебя тоже зацепили.

– Мы сами того хотели, – ворчливо бросил Павел, – лично мне твоя идея не нравилась с самого начала. Но не потопашь, как говорится, не полопашь. Кстати, познакомься, – он повернулся к блондину, безукоризненную физиономию которого перекосила усмешка, – Евгений Гурвич, мой старинный приятель. С некоторых пор он предпочитает представляться Амадеем Карром, но это чистый снобизм. «Амадей» – потому что любит на скрипке скрипеть, а «Карр» – обожает детективы с непредсказуемым финалом...

Этой ночью его отпустили в гостиницу. Насчет тотального контроля можно было не сомневаться. Амадей Карр, брюнет, щуплая девушка Анюта – звенья дьявольской цепи. Они сами разбередили это лихо...

Отобрали телефон, настоятельно посоветовав не выходить из номера. Полночи он кусал подушку, примеряя на себя роль обманщика. Какой из него, к дьяволу, обманщик? Единственный козырь перед бандой Ватяну – описание картины Брейгеля «Торжество истины». Последнее сражение

двух извечных сущностей: так называемого Добра и так называемого Зла. Он хорошо сказал господину Карру: вам нужны великие потрясения, а мне нужно немного денег. Так старательно изображал алчный блеск в глазах... Он крутился на кровати, обливался потом, слушал, как стучит по карнизу надоевший дождь. Рано утром собрался, как на казнь, извлек из багажа чистую рубашку, прогладил. Побрился, вымыл ботинки... Сомнений, что их везут в Румынию, не было. Билеты заказаны, о чем и сообщил под оком «старинного приятеля» Фельдман. Что он знал о Румынии? Гиблое место. Одно из двух гиблых мест сдуревшей от порядка и чистоплотности Европы (второе, разумеется, Албания). Пара мест, интересных туристам, – замок Влада Цепеша (более известного под именем Дракула), имевшего обыкновение сажать на колья тех, кто ему не нравится, и дворец Николае Чаушеску (тот тоже увлекался изничтожением неудобных). Остальное – полное запустение. Бестолковый Бухарест, ни одного приличного музея... Ах, простите, Музей искусств Румынии, Национальный музей древностей, Музей народного искусства, национальный театр имени некоего Караджале... Что там еще? Церковь Ставрополеос? Нищая провинция, запад и центральная часть – Трансильвания, юг – Валахия, восток – Молдавия (не путать с Молдовой), север – Восточные Карпаты, покрытые лесом, три параллельных хребта, на склонах которых начинаются все крупные реки Румынии. Предки румынов – волохи: жуткая мешанина готов, ава-

ров, скифов, славян. Современные румыны имеют и турецкую кровь – шесть веков назад земли Румынии были зависимы от Османской империи. А кто там только не живет: венгры, немцы, цыгане, русские, поляки, сербы, евреи, татары, турки, болгары, греки. Беднейшая страна, Чаушеску довел нацию до ручки, выселяя крестьян из сельской местности и сгоняя в города. За восемнадцать лет без этого беса едва ли страна стала богаче.

Большое европейское захолустье. Произвол царьков, коррупция в правительстве. Громадные бестолковые заводы, метан в недрах Трансильвании, нефть в Валахии, запущенные древние крепости, ветхие католические соборы вперемишку с православными. И что характерно, величественная, чарующая природа, зачастую не тронутая руками человека...

Знаний по Румынии катастрофически не хватало. Знать бы заранее, он бы подтянул хвосты. С сатанизмом – куда успешнее. Современные сатанисты делятся на две категории: общества поклонников Дьявола как такового и поклонников того же Дьявола как Бога. Это Церковь во всем виновата. Возвеличила Сатану, превратила искусственно в великую силу, наделила его способностью влиять на людей. Десять миллионов сожженных «ведьм» за историю инквизиции! Слишком пристальное внимание к тому, в чем существовании имеются резонные сомнения. Сами создали Сатану, сами расхлебывали. Эффект не тот, что ожидала Цер-

ковь: если Князь Тьмы такой могущественный, то чем не подходящий объект для поклонения или помощник во всевозможных колдовских делах?

Он уснул, но в ужасе подпрыгнул, когда ему привиделся чистой воды Дьявол. Он сидел напротив, в черной мантии, украшенной золотым шитьем. Простое человеческое лицо. И вдруг сделалось другим, словно заставку сменили на компьютере! Черная непроницаемая харя с горящими глазами – вылитый Сатурн. Рога и копыта, как у греческого Пана. Дым из носа, как у Римского вулкана. Курчавая борода, серное дыхание скандинавского Тора, которое он буквально чувствовал...

– Ты полагаешь, меня создала Церковь? – вкрадчиво прозвучало в мозгу.

Артем очнулся, лежал, обливаясь холодным потом, в ужасе таращился на бегающие по потолку тени демонов. Дьявол был таким, как описал его папа Григорий Великий в шестом веке. Он стащил этот образ у иранского Аримана, бога зла, предвосхитившего Сатану иудаизма. А потом уж клерики подхватили и развили эту идею, наделив Вселенское Зло другими атрибутами языческих богов. При чем здесь рога и копыта? Уж истинный Дьявол точно не наделен внешностью, изобретенной христианами псами...

Он курил, тоскливо глядя, как часовая стрелка неумолимо дрейфует к положению «утро». Чушь собачья. Главный враг Бога и рода человеческого – сам человек со всеми его

пороками и страхами. Но демоны упорно кружились по потолку, маскируясь под мерзлые блики фонаря у парадного входа в гостиницу. В распоряжении Дьявола – несметная рать демонов. Демонолог Вейер в шестнадцатом веке давал точную цифру несметного войска – 44 миллиона 700 тысяч. Надо же, сосчитал. Людей в то время проживало в несколько раз меньше. На каждого бедолагу приходилось несколько демонов, и встреча с ними, стало быть, была практически обыденным занятием?

А сколько нынче демонов витает в умах и сознании?

Слуги Дьявола раздирали его на части, скалились из углов, из тапок, из бутылки португальского портвейна, произведенного в лучшем случае в Молдове – бывшей румынской волости. Лица людей, с коими он имел «приятную» беседу, плясали перед глазами. Невозмутимый ариец Гурвич (видимо, не еврей), обрюзгший брюнет, не пожелавший представиться, разбитная девочка Анюта, меняющая имидж, как трусики. Последние двое – тоже пришельцы из далеких Карпат? Или местные представители «общественного» движения? Современный сатанизм процветает, жирует и пахнет. Работы соратникам Ангерлинка – непочатый край. В одной Москве не меньше десяти серьезных сатанинских сект. Самая крупная и знаменитая – «Черный Ангел». Образована в 1975 году – явно при пособничестве КГБ, а как иначе? Годовой испытательный срок, который неофит проводит с максимальной пользой: выполнять указы старших, отказаться от

Церкви, презирать ближних, ни в коем случае не переводить старушек через дорогу... Две категории апологетов: ученики – то бишь быдло, ими все помыкают, и «слуги» – ведающие делами клуба, служащие мессы. Из жрецов выбирается верховная жрица. Непременно женщина. Недаром даже Церковь признавала, что женщина ближе к Дьяволу, чем мужчина – только ей и надлежит быть ВЕРХОВНОЙ. Она руководит структурой организации, посвящает в жрецы, раздает индульгенции, назначает себе преемницу. А ученики – просто фон. Вроде роя комариного: пьянствуют, сношаются, пьют кровь за «Великого Мессира». Традиционные «черные мессы» – внешняя оболочка религии. Каждый служит Дьяволу в меру сил. Эффектные спектакли при зажженных черных свечах, пентаграммах (перевернутых крестах, звездах), нараспев читаются заповеди из Библии Сатаны, церковные молитвы – задом наперед, всячески извращаются и пародируются христианские ритуалы. Разнузданное зрелище – жрецы создают ажиотаж, ученики спариваются...

Он очнулся от стука в дверь, полностью разбитый. Ночные кошмары позади, заступают дневные. Добрался до двери, впустил человека без особых примет. «Нарочный», – догадался Артем.

– Держите, – сунул посланец запечатанный конверт, – документы, виза, билет на самолет.

– А телефон не вернут? – буркнул Артем.

– Нет, – отрезал курьер, – и постарайтесь не выходить из

номера.

– Хорошо, – вздохнул Артем, – я буду стараться.

Виза в Бухарест – огромное достижение. Видимо, и для конторы Романа Ватяну не существует ничего невозможно-го. Ладно, лучше так, чем в опломбированном ящике. Он не знал, что из родного города осуществляются воздушные рейсы в страну зеленых гор и знаменитых вампиров. Оказывается, бывают и такие. Раз в неделю. Пользуются успехом? Именно сегодня – в пятницу, первого июня, в три часа дня по местному времени. Лететь – часов шесть, и разница во времени примерно та же, то есть в Бухаресте он будет после обеда. Еще одни бессонные сутки? Он застонал, завалился на кровать, уснул...

Словно и не спал. В дверь требовательно постучали.

– Артем Олегович? Прибыло такси. Через десять минут вы должны быть внизу.

Хорошо хоть не «гражданин Белинский». Господи, где же люди Ангерлинка? Они хоть в курсе событий? Как они намерены контролировать своих подопытных кроликов?..

Японская иномарка с затемненными стеклами. Якобы такси – на крыше съемный колпак желтого цвета (снимается за шесть секунд). В машине двое – водитель и еще один. Разговаривать не умеют, зато прекрасно знают, как блокировать задние двери...

Еще одно прощание с родным городом. Сколько их уже было – этих прощаний? Слякоть, дождь, серые дома, ниче-

го примечательного. Он угрюмо смотрел, как мелькают за окном улицы. Трасса в аэропорт, «мерседес» сказал «бенц», протаранив тополь, недостроенное здание международного аэровокзала, тотальный шмон, регистрация. Никто не обратил внимания, что пассажир смертельно бледен и требует решительного удаления с территории аэропорта. Присвоение места в ряду «В», длительный перекур в специально отведенном месте. Он трясся с сотней пассажиров в громадном автобусе. Последний перекур под крылом обшарпанного «боинга» – никто не сделал замечания, не грозил оштрафовать на сумму, равную маленькому состоянию. Можно не сомневаться, что его контролируют. Кто? Он почти не смотрел по сторонам. Поднялся на борт, протиснулся на место в ряду «В». Справа, у окна, уже сидел мужчина, прикрывшись пошлым журнальчиком с тестами, анекдотами и сканвордами. Отрезая пути к отступлению, слева плюхнулся грузный мужчина с умопомрачительным животом (в таких животах удобно перевозить наркотики, ценности, оружие).

Артем привстал, повернул голову. Сзади щуплый очкарик вываливал из флакончика на ладошку таблетки снотворного. Еще двое – белокожая блондинка в огромных, насыщенных диоптриями очках, лысый господин лениво перелистывал предложенные «Аэрофлотом» журналы. Блондинка приветливо улыбнулась. Артем ответил тем же, как смог, плюхнулся на сиденье.

– Чего вертишься, как на иголках? – проворчал сосед

справа, бросая на колени пошлый журнал. Он был угрюм, смотрел, как «пес господень» доминиканец на еретика катара.

– Фу... – от сердца отлегло. – Ты здесь ночевал?

– Прибыл на первом автобусе, – проворчал Фельдман.

– И как настроение?

– Вроде твоего. Вот, решаю тест, способен ли я сохранять самообладание в стрессовых ситуациях.

Артем покосился приятелю через плечо. Очень полезный тест на знание собственных возможностей. «Содержите ли вы домашних животных?» – Фельдман размашисто написал: «Сайру в холодильнике». – «Книга, коренным образом изменившая вашу жизнь». – «Уголовный кодекс РФ». – «В чем вы храните свои сбережения?» – «В мечтах».

– Артем, мы с тобой кретины, – зашептал Павел. – Эти типы обо всем догадываются.

– Интуиция? – похолодел Артем.

– Информация... Гурвич, которого ты видел, это не тот Женька Гурвич, которого я знал. Нет, он, конечно, не липовый, не клон, не двойник. Но чтобы так изменился человек! Да, он был высокомерен, язвителен, но чтобы сделаться таким иезуитом... Я подслушал его разговор по сотовому в «Бродячей собаке» после твоего ухода. Я мог чего-то не понять, но у них есть информация о твоих отношениях с одним парнем... Фамилию выдуло из головы...

– Ангерлинк, – выдохнул Артем.

– Нет, другая...

– Гергерт?

– Точно...

Информация действительно скверная. Холодная змейка поползла по позвоночнику.

– Приказал не спускать с нас глаз, а в Румынии принять все меры безопасности и обеспечить свободный проезд на базу... Он так выразился. Есть идеи?

До отправления оставалось пятнадцать минут. Многие пассажиры еще не расселись, сновали по проходу, грузили ручную кладь в багажные отсеки над головами. Оживленно болтали бородатые молодые люди диковатого туристического облика, летящие покорять Южные Карпаты.

– Пошли, – решил Артем. – Пробьемся.

Еще не убрали трап. Если действовать решительно... Он выдавил в проход сидящего слева толстяка. Тот возмущенно завохтал, заелозил конечностями. Отодвинул пассажира с пакетом. Зашагал по проходу, слыша, как в спину пытит Фельдман. Поворот на лестницу. Стюардессы возятся с коробками в своем закутке. Добраться до вокзала (неужели не пустят их обратно?), поймать машину, телефон для связи с Гергертом прочно застрял в голове. Не посмеют их нагло схватить при скоплении народа...

– Граждане, вы уже уходите? – глуповато раскрыла удивленный ротик хорошенькая кукла в форменной пилотке.

– Самолетом ошиблись, мэм, – пробормотал Артем.

– «Пункт назначения» смотрели, девушка? – добавил Фельдман. – Нам приснился сон, что самолет не долетит до Бухареста. Попробуем обмануть смерть. Эх, где наша не пропадала.

Шутка чудовищно неудачная. Впервые Фельдману отказало чувство меры. Стюардесса недоверчиво хлопнула глазами, склеила кривую улыбку. Артем скатился по лестнице. Стрелять не будут, это уже слишком...

– Артем Олегович, – прозвучало тихо откуда-то со стороны. Он встал, словно врезался в бампер автомобиля. Откуда вырос человек? В нише был проход к багажному отделению. Его лицо ни о чем не говорило. Простое, равнодушное.

– Не надо уходить, Артем Олегович, – попросил незнакомец без враждебных интонаций, – ну что за импульсивное поведение, право слово. Вернитесь в салон, самолет скоро отправляется. И запомните на будущее: каждый некрасивый поступок отразится на здоровье некой Лидии Ворожеевой. Вам знакомо это имя? Вы же не хотите, чтобы пострадало ни в чем не повинное создание?

Он заскрипел зубами от бессилия. Сжал кулаки, чтобы врезать негодяю. Разжал, повернулся и, обогнув застывшего Фельдмана, начал подниматься. Павел растерянно смотрел ему вслед...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эти демоны были повсюду – в пространстве, в голове. Как же он одобрял святую инквизицию: биться с Дьяволом до последнего, не щадя ни своих, ни чужих! «Некоторые думают, что не существует ни ведовства, ни демонов, что все это создано воображением, – писал в манере товарища Сталина авторитетный в католическом мире богослов Фома Аквинский. – Но католическая вера утверждает, что демоны существуют, что они могут вредить своими кознями. Демоны по попущению Божьему вызывают вихри в воздухе, поднимают ветры, заставляют огонь падать с неба...» Из учения о «бытии» Дьявола и его ближайших помощников церковь и делала практические выводы – всех одержимых Дьяволом, всех, заключивших с ним гешефт, всех сторонников «бесовских сект» нужно безжалостно истреблять...

И чем не право тайное судилище Ангерлинка, именно тем и занимающееся? В отличие от католической инквизиции, которая не утруждалась сбором доказательств, организация Ангерлинка тщательно расследует каждое нежелательное проявление...

Самолет благополучно приземлился в международном аэропорту города Бухареста. Обычный аэропорт, обычные люди, говорящие на незнакомом языке. Доставка в здание аэровокзала на потрепанном автобусе, таможня, интроскоп,

зевающие работники в скучной униформе.

– Сдадимся полиции? – предложил Фельдман.

– А смысл? – пробормотал Артем. – Мы в стране вампиров. У них тут все схвачено. Уж наверняка продумали реакцию на наши отклонения. Не такие мы с тобой оказались титаны мысли, Пашка.

– Дьявол, – скрипнул зубами Павел, – вот так живем себе, живем, не замечая, как превращаемся в статистику...

– Но нас никто не держит за руки, – обнаружил Артем, крутя головой, – можно попробовать слинять.

– Отличная идея, – одобрил Павел, – наведем шороху. В Румынии мы еще не буянили...

Их за руки точно никто не держал. Впечатление обманчиво, длинный поводок, но почему не попробовать? Обшарпанное здание аэровокзала, народ вереницей тянулся к выходу. Типичный браток, два на два, отдуваясь, тащил огромный чемодан, наступая Артему на пятки. Две кумушки в цветастых косынках трещали без умолку. Мелькнул бледный очкарик со снотворным, умудрившийся проснуться в нужное время в нужном месте. Соседи по салону – очкастая светлокочая блондинка и лысый толстячок вертели головами, выискивая сектор выдачи багажа. Хохотали диковатые туристы, прибывшие осваивать Южные Карпаты. В полете они уже приняли на грудь, и жизнь им казалась прекрасной и удивительной (даже в Румынии).

Обходных путей не было, людской поток вынес их на пло-

падь перед зданием аэровокзала. Обшарпанные автобусы, подержанные такси с шашечками, водители, пассажиры, черная собака носилась по площади, увертываясь от транспортных средств.

– За мной, – потянул его Фельдман, – и попрошу не прекословить. Переходим на принцип единоначалия.

Зашагали куда-то в сторону, в обход площади, не замечая, как такси с шашечками повернуло за ними, и еще несколько «пеших» таксистов заинтересовались маневром. Но ухватиться за убегающих туристов уже не успели. Дверь в служебные помещения, Павел втолкнул его внутрь. Они почти бежали по коридору. Двери, люди в синей униформе и без, кто-то пытался поинтересоваться, не ошиблись ли уважаемые зданием, кто-то сердито ворчал вдогонку. Они не понимали по-румынски. Но дверь с надписью «туалет» не пропустили. Помещение явно служебного пользования, из него как раз выходил упитанный господин с важным лицом ответственного авиационного работника. Покосился на подозрительную парочку, открыл рот. Павел впихнул Артема внутрь и замкнул задвижку.

– Круто, – восхитился Артем, – это что-то из разряда туалетного юмора?

– Чистая психиатрия, – буркнул Павел, подбегая к окну и хватаясь за старомодный шпингалет. Стекла закрашены, но вряд ли уборная выходила на людную сторону здания. – Ну-ка, подсади меня...

Они выбрались в запущенный скверик позади административного корпуса. Озираясь, пробежали вдоль фундамента и вскоре уже сидели на лавочке за невзрачной клумбой. Перед клумбой располагалась остановка общественного транспорта – от нее, пыхтя как паровоз, отходил груженный под завязку вместительный «вольво». Подбирался второй – пока еще с пустым салоном. Хорошо просматривалась площадь перед зданием аэропорта, курящие у входа мужчины в кепках и жилетах, снующие легковушки. Ни одной подозрительной личности – или, наоборот, все личности до упора подозрительные. Не стовариваясь, достали сигареты, закурили.

– А здесь неплохо, – обзрев окрестности, вынес вердикт Павел, – можно свить гнездо.

– Лучше пулеметное, – пробормотал Артем.

Павел нервно засмеялся. Критично обзвел приятеля.

– А ты отлично сегодня выглядишь.

– Это я еще плохо себя чувствую, – в том же духе отозвался Артем. – Теперь не так страшно, Пашка?

– Страшно, – признался Фельдман, – при мне эта штука. Копошится на задворках сознания. Нелогично, согласишься. Носиться с нами в Сибири, как с расписной торбой, пасти в самолете – а наблюдение было, я кожей чувствовал, и вдруг утерять из виду в Бухаресте.

– Нелогично, – согласился Артем, – Так, может, выйдем на площадь, привлечем к себе внимание? Все равно пропадать.

– Успеем, – покачал головой Павел, – что мы потеряли, кроме сотовых телефонов? Документы, какая-то валюта – пока при нас. А какие, кстати, деньги в Румынии, не помнишь?

Артем рассмеялся.

– Пашка, ты всегда обо всем знаешь. В Румынии – румынский лей, в Молдавии – молдавский лей. Неужели случилось страшное, и перед поездкой в Румынию ты не смог подстраховаться?

Павел помрачнел.

– Больное место, приятель. Стыдно признаться, но о подстраховке даже речь не шла. Не в моем духе, но что делать? В Румынии никого не знаю, включать связи в других государствах как-то глупо, привлекать Изабеллу и Федора не могу – просто по-человечески жалко, погибнут же ни за хрен. И что я мог сделать? Телефон на прослушке, в подъезде наблюдение, далеко не уйдешь. Насилу Эльвиру успокоил, что все в порядке, обычная командировка. Ей нельзя сейчас волноваться.

– Конечно, – согласился Артем, – волнение – не лучший стимул к продолжению рода. Ох, уж твоя необузданная тяга к размножению... Ну что, Пашка, будем прятаться? Или выясним, почему тут фунт лиха?

– Если ты имеешь в виду такси... – Павел быстро посмотрел по сторонам, – пошли, успеем вскочить на подножку.

«Эх, – подумал Артем, – нам бы до Бухареста продержаться»

ся...»

Жизнь на площади текла своим чередом. В здание входили и выходили люди. Двое неряшливых полицейских в синей униформе приставали к пожилому мужику с чемоданом. Он явно не хотел идти с ними, отбивался, гневно что-то выкрикивал, апеллируя к общественности. Страж порядка схватил его за шиворот, второй выхватил дубинку, врезал мужику по почкам. Тот завыл, перестал сопротивляться. Его потащили куда-то за угол. Похоже, здешняя полиция, как и отечественная, не потрясала своей образцовостью.

Еще один автобус отъехал от остановки. Павел с Артемом вышли из кустов. Фельдман шагнул на тротуар, вытянул руку, заприметив колпак автоперевозчика. Ошибка дорого стоила. Такси было неисправно, двигалось, как хромой пешеход. Водитель выразительно изобразил жестом: прости, дружище, незадача, вот отремонтируюсь...

Откуда взялся минивэн, никто не заметил. Черный микроавтобус появился внезапно, гладко подкатил к бордюру, отъехала дверца.

– О, да это наши попутчики! – прозвучало из салона насмешливо и, в принципе, знакомо. – Вы не в Бухарест? Садитесь, подбросим.

Двое обрисовались в проеме. Светлокожая блондинка в аляповатых очках, коренастый мужчина без волос. Оба сидели в самолете позади них. Оба в данный момент улыбались. Блондинка делала приглашающие жесты. Кто сидел за

рулем и рядом с водителем, с тротуара не просматривалось: боковые стекла минивэна были затонированы.

– Спасибо, дорогие соотечественники, – вежливо сказал Фельдман, – езжайте, не станем вас утруждать. Мы уж такси дождемся...

И осекся, когда в руке лысого появился пистолет. Он продолжал дружелюбно улыбаться. Блондинка игриво поманила пальчиком.

– Садитесь, мужчины, не уклоняйтесь от нашего призыва. Ну объясните на милость, куда вы собрались? Неужели вправду в Бухарест? Разве за этим мы прибыли в эту прекрасную страну? Вы же не хотите, чтобы наш коллега включил обратный отсчет?

Сообразив, что погибель не за горами, Павел заскрипел зубами. Артем практически не расстроился. Он знал, что так будет. Слишком серьезная сила заключила их в объятия...

Они протиснулись на заднее сиденье.

– Помнишь анекдот? – прошептал Павел. – Огромный камень посреди дороги. «Направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – голову сложишь». Стоит кентавр и думает...

– А вот разговаривать не надо, – дружелюбно сказала блондинка, и в руке ее тоже объявился пистолет – блестящий, маленький, похожий на безвредную зажигалку. – Сядьте, пожалуйста, порознь. Вы слева, вы справа.

Еще в девятом классе классная руководительница расс-

живала их по разным углам – не садитесь, дескать, вместе, если не получается.

Микроавтобус тронулся с места, объехал «вольво», насыщающий пассажирами свое ненасытное брюхо.

– А вы прекрасно умеете перевоплощаться, Анята, – проворчал Артем, – не приходилось, часом, работать на какую-нибудь спецслужбу?

– Так вам и скажу, – ухмыльнулась Анята и стянула белобрысый парик. За ним очки, изящным движением извлекла из глаз серые линзы. Получилось другое лицо – особы, что дурила его в баре, завлекла в «кулуары» и присутствовала при беседе с представителями «тьмы». Смущала белая кожа. Прежняя Анята была загорелой. Возможно, всего лишь крем, делающий кожу смуглой и легко смывающийся – вон их сколько рекламируют по ящику. Мог бы и догадаться – купальный сезон не наступил, а болтаться по соляриям у таких деловых особ вряд ли сыщется время...

– А вы, уважаемый, где оставили свой парик? – буркнул Павел лысому. – В качестве брюнета вы смотрелись более респектабельно. Вы даже не представились.

– Зовите меня Джерри, – представился бывший брюнет, у которого с удалением волосяного покрова и большей части бровей тоже потрясающе изменилось лицо, – а лучше, господа, помолчим и обдумаем ответы на вопросы, содержание которых вы можете уже представить и без подсказки. Время есть – вопросы будут задавать завтра.

– А куда мы едем, Джерри? спросил Павел. – Где нам будут задавать вопросы? Надеюсь, это не князь Влад Цепеш?

Отогнулась шторка, отделяющая салон от передних кресел, появилось лицо человека, сидящего рядом с водителем. В его глазах теснились холод и какая-то аристократическая надменность.

– Вы не знаете, господа, куда мы едем?

– Ну конечно! – преувеличенно бодро воскликнул Павел. – А я все думаю, кого тут не хватает! Здравствуй, Евгений, очень мило с твоей стороны, что ты решил нас сопровождать. Теперь точно не будет страшно.

– Будет, – холодно возразил Гурвич, – не ожидал, Павел, что ты поведешь себя столь безрассудно и бестолково. Зачем ты влез в эту историю? А теперь извини, как бы хорошо я к тебе не относился, но сам виноват...

– Минуточку, – перебил Фельдман, – во-первых, толковыми бывают только словари. Во-вторых, мы понятия не имеем, куда вы собираетесь нас везти. В-третьих, вы что-то переусердствовали с конспирацией, и дело пахнет недоумением. Обратиться к тебе посоветовал некто Карский, влиятельный делец на черном рынке. Если напряжешься, то вспомнишь эту фамилию. Его каналы меня не волнуют. За переброску информации заплачено пять тысяч евро. Лично я не знаю, чем ты занимаешься и где работаешь. Мы хотим всего лишь продать раритет, якобы наделенный особого вида... энергией. Наделен или нет, разбирайтесь сами, я хотел

лишь подсобить другу и немного заработать – в свете напряженных семейных обстоятельств.

– Немного заработать – это не спору, – сухо произнес Гурвич. – Но почему-то нам кажется, что вы решили пробежаться за двумя зайцами. А что бывает, если гонишься за двумя зайцами?

– От егеря по морде получаешь, – проворчал Павел. – А если кажется, Евгений, не забывай вовремя креститься...

Артем тоже хотел внести свою лепту в этот несусветный бред, но все трое недругов в машине, за исключением шофера, дружно засмеялись. Это был холодный и зловещий смех. Их глаза блестели инеем, лица обретали злобное, неприступное выражение. Он обнаружил с нарастающим ужасом, что эти люди только временно могут притворяться нормальными людьми. Они иные. Иное тесто, иная природа. Их изменила принадлежность к структуре, о глобальной вредоносности которой предупреждал еще покойный Ангерлинк. Они знают о мире что-то такое, чего не знают другие. И к людям иного мировоззрения относятся, как к ничтожным насекомым...

– Что же вы не смеетесь, господа? – предложила присоединиться к веселью Анюта. – Неужели самим не смешно?

– Увольте, – пробормотал Фельдман, – хорошо смеется тот, кто смеется по собственному желанию...

Разумеется, ни в какой Бухарест их не повезли. Судя по

положению солнца за спиной, машина направлялась на север. Это не было откровением. Восточные Карпаты, жудец (административная единица) Пошту, местечко Горошаны, дикий горный край... Назойливая мысль не давала покоя: если, по уверению Гергерта, в урочище невозможно попасть традиционным образом, как планирует это сделать Гурвич на вполне материальном микроавтобусе?

Хотя кому об этом лучше знать, как не Гурвичу? Стоит ли гадать на кофейной гуще, если впереди еще долгая дорога?

Сопровождающие демоны не спускали с них глаз, машина резво бежала по шершавому асфальту. Слипались глаза. Он неудержимо погружался в сон. Просыпался от очередного кошмара, видел перед собой насмешливые глаза парня с собачьим именем Джерри (явно кликуха), сосредоточенный, проникновенный взор Анюты – у нее были потрясающе обворожительные глаза... отворачивался, испытывая предательскую дрожь, утыкался в окно, засыпал. Трубили трубы Страшного суда, за трубами вступали саксофоны... Он просыпался, снова упирался в окно. Светило солнце, но в затемненном окне казалось, что уже сумерки. Тянулись серые пригороды, приземистые здания с плоскими крышами, мелкие фабрики за бетонными заборами, бесконечные линии электропередач, свалки, населенные худыми собаками и причудливыми двуногими существами. Дорога явно не считалась гордостью местных властей – их везли какими-то убогими закоулками. Временами дорога вырывалась из мест, испач-

канных человеком, погружалась в молодые дубравы, хорошо продуваемые сосняки, петляла по лугам, заросшим травами. И снова пылили по рабочим поселкам, мимо двухэтажных домов, подозрительно смахивающих на бараки, заваленных хламом пустырей, стаяк пацанов в обносках, гоняющих мяч и норовящих швырнуть под колеса орущую курицу. Белье на растяжках, колдобины, первое мусорное кольцо, второе...

После очередного панического пробуждения он обнаружил, что равнина осталась позади, вокруг проезжей части громоздятся холмы, похожие на горбы верблюдов, поросшие кустарником, хвойные перелески в седловинах. Крохотные деревушки – и дома весьма смахивают на украинские мазанки, крытые соломой. Украина, в принципе, близко. Можно сбежать на рывок – на север, через перевалы, к закарпатским братьям-хохлам...

Водитель сделал остановку перед развилкой. Вышел из машины – здоровенный малый с пудовыми кулаками и одутловатым лицом. Вытащил из багажника две канистры по двадцать литров, потащил на заправку. Заезжать на станцию он почему-то не захотел. Не утруждаясь, приволок бензин, слил в горловину. И снова предгорья Восточных Карпат, старинная, оваянная легендами земля Трансильвания. Где-то в этой местности зверствовал князь Дракула, никогда не бывший вампиром, но прославившийся лютым нравом – даже по меркам не самого гуманитарного пятнадцатого века. Уроженец старинного трансильванского городка Сигишоара, вто-

рой сын Влада Второго, князя Валахии. Сделался Владом Третьим или Владом Цепешем, то есть Сажающим на колья. Нарек себя Дракулой, поскольку отца звали Дракул, то есть «Дракон», то есть «Дьявол» (в этих областях дракон был синонимом дьявола) и являлся он членом католической секты «Орден Дракона»... В этих землях родилась и расплодлась отсюда по миру жуткая вера в вампиров – сосущих кровь мертвецов. Неизвестно, есть ли дым без огня, но вампиров в Трансильвании, мягко говоря, не любили. Кошмарные истории будоражили народ, ходили из уст в уста, рождая в умах невиданных чудовищ. Вампиров боялись буквально все – богатые, бедные, безграмотные, образованные. Молились Богу, чтобы избавил от встречи с кровососом, выдумывали правила, как бороться с бродячими бессмертными душами, увешивали жилища оберегами, пригвождали умерших в могилах кольями к земле, чтобы не смогли подняться, хоронили трупы с серпами у шеи – дескать, если у трупа возникнет желание подняться из могилы, он сам срежет себе голову...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.